Павел Марушкин

Эдуард Монтескрипт - 1

ДЕЛО СЕРЫХ ЗОМБИ

Павел Марушкин

Дело серых зомби

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Дело серых зомби / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Позвольте представиться - Эдуар Монтескрипт. Я - человек, хоть и родился в королевстве Пацифида, в мире разумных амфибий. У нас здесь довольно большая человеческая диаспора, знаете ли; а я неплохо знаю местные особенности и нюансы. И к тому же - люблю разгадывать загадки. Это и определило выбор профессии. Ко мне обращаются и люди, и фроги - так называют местных; ну, а я, по мере скромных сил, стараюсь решить их проблемы. А они порой бывают весьма необычного свойства. Например, это дело для меня началось с удара по башке. Что поделаешь - специфика профессии...

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 47

Павел Марушкин
Дело серых зомби

Дело серых зомби

Что-то сломалось в их дурацких мозгах,
и в конце концов всех четверых пришлось застрелить
для их же собственной пользы.

Говард Филлипс Лавкрафт. Сияние извне.

Глава 1. Скользкие итальяшки

– Миста! Хэй, миста! – кто-то осторожно тормошил меня за плечо. – Плоха-плоха, миста?

Я со стоном оторвал лицо от дощатой мостовой. Плохо-плохо, это точно. Голова гудела, словно большой храмовый барабан. Нечего сказать – удар был смачный.

– Миста, хэй…

Наконец, мне удалось сфокусировать взгляд. Вокруг собралась небольшая толпа: дети, подростки и уличные бездельники из тех, что день-деньской подпирают стены где-нибудь в теньке... Дюжина пар глаз всех оттенков янтаря с интересом таращилась на неудачника. Обычное дело: фроги – известные любители поглазеть, главное, чтобы зрелище было хоть маломальски интересным.

– Миста… – малютка-фрогги, лет четырех, абсолютно голый, если не считать поясной сумки-кошеля, снова дотронулся до меня.

– Всё в порядке, парень. И не коверкай метрополь; как ты слышишь, я говорю на амфибо.

– Твоя шляпа, – малыш застенчиво моргнул и протянул мне означенный предмет.

Я сел, нащупал в кармане медную монетку и отблагодарил кроху: правила хорошего тона – прежде всего. То, что никто из мелкоты не обчистил мои карманы, покуда я валялся без сознания, уже говорит об этом квартале. Спокойное местечко, можно даже сказать – респектабельное, по здешним меркам, разумеется. Всего парой улиц дальше я очнулся бы без гроша в кармане; а случись такое где-нибудь в Весёлых Топях – домой и вовсе пришлось бы добираться нагишом, а такие штуки весьма скверно сказываются на репутации. Ах да, моя репутация…

Итак, позвольте представиться: Эдуар Монтескрипт. Я частный детектив, практикующий в Амфитрите – столице весьма обширного болотного королевства Пацифида. Полагаю, вы слышали о крупнейшей державе мира, населенного расой амфибий. Фроги. Именно так называют местных на метрополе; вряд ли вам захочется каждый раз выговаривать самоназвание этой расы – здешний язык достаточно сложная штука. Фроги удивительные создания. Не слушайте обделенных воображением олухов, пытающихся описать их как нечто среднее между человеком и древесной лягушкой: это полная ерунда. У фрогов удивительная пластика, а естественной пигментации их кожи позавидовал бы японский мастер-каллиграф – причем узоры и расцветка каждого уникальны. Помнится, в детстве я здорово стеснялся своего бледного и невыразительного, без единого пятнышка, эпителия…

Костюм светло-серого гидрофобного шелка был изрядно перепачкан в пыли, но это меня не слишком тревожило. Замечательная местная ткань не мялась и не намокала, так что стоит окунуться в канал – и она будет как новенькая. А вот с наливающейся гематомой определенно следовало что-то делать… Я осторожно погладил затылок. Болит. Готов поклясться, от мерзкой парочки меня отделял по меньшей мере десяток метров; и ни один из них не сумел бы

подобраться незаметно… Но факты – штука упрямая: кто-то же звезданул меня по голове со всей дури...

Что я пытаюсь вам объяснить: с человеком, который считает главным своим оружием интеллект, отдавая ему предпочтение перед грубой физической силой, такие вещи случаются не каждый день. Больше всего на свете я люблю задачи, которые можно решить, по возможности не покидая собственной квартиры – ну, или сидя в маленьком кафе, фактически заменившем мне офис. Работа ума, понимаете? Плюс глубокое знание местных реалий. По крайней мере, так должны были обстоять дела в идеале. Драки, погони, перестрелки и прочее в этом роде меня совершенно не прельщает – но... Частный сыск во все времена был довольно рисковым занятием. Что поделать, мир несовершенен. Вот и сейчас…

Немного придя в себя, я поднялся на ноги. Толпа бездельников уже рассосалась: ребята отправились искать себе новое развлечение. Похоже, самолюбие моё пострадало в большей степени, чем тело… Впрочем, возможность отыграться ещё представится. Как уже было сказано, махать кулаками я не большой охотник; но вполне способен и на такое – если обстоятельства требуют. Надо бы навестить учителя Тыгуа. Я и так слишком долго откладывал этот визит... Впрочем, давайте обо всём по порядку.

Утром я проснулся в чудесном настроении. По комнате лениво ползали изумрудные блики – жгучие лучи солнца, отфильтрованные густой листвой вьющихся растений. Здесь, в Амфитрите, это обычное дело: редкий дом обходится без живого убранства, делающего ненужными шторы и занавески. Наскоро ополоснувшись в бассейне, я оделся и шагнул за дверь в предвкушении чашки утреннего кофе и первой, самой вкусной и ароматной сигареты. Много ли нужно для счастья – уютный кафетерий, где я столовался и принимал клиентов, находился буквально в нескольких шагах, чуть наискосок через дорогу…

Двое негодяев лениво отлепились от стены. Один был мне незнаком – здоровенный мускулистый фрог с безобразным шрамом поперёк физиономии; а вот второго я знал. Мой старинный знакомец… Сержио Канальо, племянник и правая рука дона Маскарпоне, одарил меня белоснежной улыбкой.

– Босс хочет перекинуться с тобой парой слов, Эд.

Я отнюдь не горел желанием беседовать с крестным отцом местной организованной преступности; помимо прочего, такие встречи чертовски плохо сказываются на бизнесе – но, говоря по совести, был ли выбор?

– Как это мило с его стороны. Надеюсь, у вас есть транспорт? – Солнце уже начало припекать, и перспектива тащиться невесть сколько пешком не внушала оптимизма… Не говоря уже обо всём прочем.

– Даже вспотеть не успеешь, – прохрипел фрог. Похоже, кто-то когда-то от души приложился к его горлу, повредив голосовые связки. Я мысленно пожалел, что неведомый благодетель не довел дело до конца: было в этом типе что-то на редкость неприятное. – Босс лично приехал поговорить с тобой.

А вот это действительно странно. Откровенно говоря, не такая уж я важная птица.

– Знак уважения, Эд, – Сержио вновь продемонстрировал безукоризненные зубы.

Черта с два, так я и поверил! Хотя… Вынужден признать – клан Маскарпоне обделывает свои грязные делишки с определенным шиком. Они мерзавцы и негодяи, но стиль у них есть. Длиннопалые ладони фрога меж тем с профессиональной быстротой скользнули по моему костюму.

– Он чист, Сержио.

Ну естественно, чист. Я не имею привычки вооружаться до зубов, отправляясь выпить чашечку кофе… Хотя, может, стоит об этом подумать. Теперь.

Паланкин поджидал меня в тени. Такие штуки, как ни странно – довольно удобное средство передвижения. В старых районах многие предпочитают пользоваться услугами носиль-

щиков, а не брать рикшу: улочки здесь узкие и извилистые, вдобавок, всё изрезано каналами, большими и малыми: не стоит забывать, что Амфитрита строилась земноводными для земноводных. Стоило мне подойти, как занавеска шевельнулась.

– Синьор Маскарпоне… – называть его «доном» я не стал: маленькая демонстрация независимости.

– Подойди поближе, giovanotto[1]. Я не кусаюсь.

Может, и нет – в буквальном смысле; но я-то знал, что передо мной отнюдь не самый мелкий из городских хищников. Впервые увидев дона, вы вряд ли поймете, что за акула перед вами. Плечистую, но уже начавшую заплывать жирком фигуру облегал безукоризненный, цвета сливочного пломбира, костюм (носить здесь летом что-либо тёмное – безумие). Смуглое лицо с влажными глазами-маслинами заставляло вспомнить о сицилийских предках. Он напоминал преуспевающего коммерсанта, владельца крупного бизнеса – да, собственно, и являлся таковым; вот только предлагаемые его парнями услуги были весьма специфического свойства. Мимо нас прошлепали два голенастых фрога-подростка, оживленно беседуя о чем-то. Не сбавляя шага, они ступили на берег канала – и почти без всплеска погрузились в воду.

– Знаешь, иногда я завидую местным, – вздохнул Маскарпоне. – Амфибиям доступны сразу две стихии, мы же вынуждены довольствоваться одной.

– Ну, некоторые из них работают на вас, верно? – естественно; если бы дела обстояли иначе, он вряд ли достиг бы того положения, что занимает сейчас.

– Да, giovanotto, и тем не менее – для нас, иммигрантов, многое в их жизни остаётся тайной за семью печатями. Некоторые вещи я просто не в силах понять… Эти ожившие мертвецы, например.

Понять он, может, и не в силах, но не упустит случая воспользоваться ситуацией. Предыдущий дон сложил голову на плахе, будучи обвиненным зомби. Так уж получилось – в Амфитрите мёртвые обладают некоторыми гражданскими правами. Например, правом выступать в суде… Ходили слухи, что зомбификацию покойного фрога заказал не кто иной, как мой собеседник. К слову, жертвы мафии с тех пор, все без исключения, имели дыру в затылке: оживить мертвеца с разрушенным мозжечком не под силу даже местным колдунам. Луиджи Маскарпоне не желал повторить судьбу своего предшественника.

– Говорят, среди людей ты – один из лучших знатоков здешней жизни.

Я слегка пожал плечами.

– Такова моя работа…

– Ты ведь местный уроженец, верно? – небрежно спросил мафиозо. – Уезжал ненадолго, вернулся сразу после Трехдневного восстания – в то время как прочие бежали отсюда, словно ratto[2] с тонущего корабля…

Ага, маленький намек… Нет, никакого секрета тут не имелось – но знать, что некоторые факты твоей биографии интересуют преступного босса, было не слишком приятно.

– …И несмотря на молодость, уже создал себе определенную репутацию, giovanotto. Весьма неплохую, могу заверить…

– Синьор Маскарпоне… Почему бы вам просто не сказать, что вы от меня хотите? – этот философствующий гангстер начинал действовать мне на нервы.

Он рассмеялся.

– Ах, какие мы нетерпеливые! Ты ведь и впрямь стал лучшим, Эд. Если кому-нибудь из иммигрантов требуются услуги частного детектива, он первым делом подумает о тебе, верно? Да и фроги не чураются твоей помощи… Ты стал кем-то вроде посредника между двумя расами. Положение уникальное, э?

---

[1] парень, юноша, малый (итал.)

[2] крысы (итал.)

Положим, так и есть; но какую выгоду он надеется извлечь из этого?

– Тебе скоро предложат одно дельце, – взгляд Маскарпоне сделался жестким. – Думаю… Прямо сегодня, giovanotto. Я хотел бы знать о ходе твоих изысканий.

Я рассмеялся. Возможно, этого и не стоило делать: дон Маскарпоне не из тех, с кем можно позволить себе подобные выходки. Но такая неприкрытая наглость всё же нуждалась в достойном ответе.

– Забавно. Я вроде бы ничего вам не должен, а? Или вы считаете своим всё, до чего сумеете дотянуться?

– Ах, giovanotto, к чему так грубо? Я прошу тебя о совсем небольшом одолжении… – мы оба прекрасно знали, что это не так. Неприятное заключалась в том, что до меня-то он вполне мог дотянуться.

– Считай, что оказываешь мне любезность.

О, у меня было время подумать. Пара секунд. Всего-то и требовалось – ответить согласием. Возможно даже, всё осталось бы в тайне – теперь; хотя подобные вещи имеют свойство всплывать, рано или поздно… Но за первым разом неизбежно последует ещё один, потом ещё… Такова уж цена подобной «любезности».

– Черта с два! – надеюсь, мой голос прозвучал достаточно твёрдо. – Я…

Синьор Маскарпоне сокрушенно поцокал языком; взгляд его переместился на что-то, находящееся за моей спиной… Остальное вы уже знаете.

Наскоро приведя одежду в более-менее приличный вид, я направился туда, куда собирался первоначально. Мне позарез требовался крепкий кофе и сигарета; но сперва я намеревался попросить влажное полотенце – приложить к затылку. Однако с этим пришлось повременить: стоило мне войти, как Лакси, хозяин заведения, выразительно шевельнул глазами по направлению к дальнему столику. Лакси вообще столь же смышлен, сколь и молчалив, так что я давно научился понимать его без слов. Посетитель, конечно же. Ко мне. И готов спорить – тот самый, о котором говорил мафиозо.

Амальгамные зеркала у нас – штука редкая и дорогая, доступная лишь богачам; а вот металлическая посуда, напротив, распространена весьма широко. Над стойкой Лакси висел латунный тазик, начищенный и отполированный до такой степени, что прекрасно отражал весь интерьер. Наличие данного предмета было частью взаимовыгодного соглашения, заключенного меж нами; к слову сказать, полировку приходилось периодически обновлять, и услуги медника оплачивал я, из своего собственного кармана. В ожидании кофе я принялся рассматривать своего возможного нанимателя en reflechissement[3]. Был он высок и нескладен; дорогой костюм сидел на нем, как на вешалке, вдобавок, несмотря на худобу, под мышками темнели пятна пота – а ведь настоящая жара ещё не наступила. Либо этот господин чертовски спешил всю дорогу, либо это нервное; в обоих случаях я ему нужен больше, чем он мне. Так и оказалось: не прошло и пары минут, как гость беспокойно заёрзал, поднялся со своего места и направился к моему столику.

– Господин Монтескрипт? – голос у незнакомца оказался под стать внешности, высокий и скрипучий.

– К вашим услугам, – я отвесил лёгкий поклон, и шишка на затылке тут же пренеприятным образом напомнила о себе. – С кем имею честь?

– Уго Титтибонд.

Вот уж имечко... Впрочем, оно ему шло: если только «Уго Титтибонд» – не выдумка, то выглядеть он должен именно так. Казалось, он собран из частей, принадлежащих двум разным людям: костлявое туловище венчала круглая, с пухлыми щечками голова, более подходящая

[3] В отражении (франц.)

какому-нибудь толстяку-коротышке. Шляпу он держал в руке, время от времени обмахивая ею пятнистую, усеянную мелкими бисеринками пота лысину.

– Я секретарь посольства! – заявил Титтибонд. – И у нас есть для вас работа. Будет лучше, если мы подъедем прямо сейчас, поэтому…

– Будет ещё лучше, если вы вкратце изложите мне суть, – вежливо, но твердо остановил я его. – Тогда уж я решу, браться за неё или нет.

– Господин Монтескрипт! – Уго Титтибонд оскорблено воззрился на меня. – Вы не понимаете! Дело не терпит отлагательств; а вы, как гражданин Метрополии, просто обязаны содействовать…

– Гражданин Метрополии? – сладко улыбнулся я. – Вы неверно проинформированы, Уго. Я местный уроженец, и стало быть – верноподданный его величества Джаги I, да продлятся его дни как можно дольше… И никакого двойного гражданства. Мне ничего не нужно от посольства, и я никогда не обращаюсь туда.

Уго Титтибонд на несколько мгновений потерял дар речи. Он не мог надавить на меня, как, очевидно, рассчитывал с самого начала.

– Считайте, что имеете дело с фрогом, – помог я ему выбрать линию поведения.

– Э-э… Посольство хорошо заплатит…

– Естественно. Мои услуги обходятся недешево; кроме того, я весьма разборчив в выборе дел… И клиентов.

Снова пауза. Подоспел мой кофе. Я благодарно кивнул хозяину и сделал маленький глоток. Восхитительно. Гул в голове постепенно стал утихать.

– Ну хорошо! – сдался Уго. – Только… – Он покосился на Лакси. – Мы можем поговорить где-нибудь ещё? Дело не просто конфиденциальное, – он понизил голос. – Тут замешана большая политика…

– В таком случае, давайте займем дальний столик. Не бойтесь, здесь нас никто не подслушает.

Глава 2. Серый танцор

За стеклом иллюминатора сгущались сумерки. Внизу, под днищем «Эксцельсиора», проплывали облака – пухлые хлопковые горы, каракулевые степи, каньоны, заполненные курящейся сизой мглой... Ровный гул винтов навевал дремоту. Алиса Грей деликатно зевнула, прикрывая рот ладошкой, с кошачьей грацией потянулась и рассеянно оглядела салон. Её начинала одолевать скука. Ни Интернета, ни даже завалящего плеера; лэптоп – и тот пришлось оставить дома: закон о научно-техническом эмбарго, ничего сложнее радиоприёмника, видите ли… Путешествие, поначалу казавшееся волшебным, потихоньку начинало действовать на нервы. А ведь ещё вчера, придя в себя после переноса и поднявшись по скрипучим сходням на борт местного летучего корабля, она по праву могла считать себя счастливейшей из смертных – по крайней мере из смертных женского пола, четырнадцати лет от роду… Да и может ли быть иначе, если твой отец – посол Метрополии, летние каникулы только начались, и тебе предстоит путешествие по экзотическому миру, полному очарования и древних тайн? Это куда веселее, чем колледж! Вдобавок оказалось, что спутником их будет не кто-нибудь, а сам кронпринц… Ну да, кронпринц; разумеется кронпринц, кто же ещё! Ах, это так романтично! Одно только слово «принц» навевало мысли о ком-то невообразимо прекрасном, в голубом мундире с алой атласной лентой через плечо, витыми эполетами и белокурыми волосами; а приставочка «крон» – это, конечно же, маленькая золотая, с острыми зубчиками корона в пышных, словно морская пена, волосах… По крайней мере, так представляла себе кронпринца её подруга Бетти. Она даже набросала портрет воображаемой персоны в альбоме… Впрочем, мундир удался юной художнице куда лучше, чем лицо.

– Сделай так, чтобы он пригласил тебя на танец! Потом будешь хвастаться, что танцевала с принцем! Тебе все станут завидовать!

– Они же амфибии, Бет! – прыснула Алиса. – Глаза, как плошки, пятнистая кожа и всё такое!

– Так что же, он…

– Ну да… Он просто большущая жаба!

Мундир кронпринц и впрямь носил; правда, не голубой с алой лентой, а белый – но зато, действительно, с витыми эполетами. Что же касается танцев – их, судя по всему, на борту не предвиделось. Фортепиано мирно пылилось в углу. С него даже не удосужились снять чехол; а кронпринц явно предпочитал игорный стол всем прочим видам времяпровождения. Похоже, он вовсе не вылезал оттуда – по крайней мере, спускаясь в салон, Алиса всякий раз заставала его на том же самом месте, за игорной доской, чем-то похожей на маджонг. Мерзкий старикан, и эта вечная ниточка слюны, стекающая с уголка губ…

Внезапно наверху послышался шум, изумленный возглас, резкие окрики – а в следующую секунду ведущая в салон дверь распахнулась, и по ступеням кубарем скатилась чья-то фигура. Алиса узнала в нём одного из спутников кронпринца, неприметного широкоплечего фрога в тёмном костюме. Двое таких постоянно дежурили у дверей его каюты, ещё несколько находились рядом с Его Высочеством – похожие, словно братья; по крайней мере, усеянные пятнышками физиономии у них были, на взгляд Алисы, совершенно одинаковые… Упавший неловко заворочался, пытаясь подняться на ноги – и в этот момент нечто серое, крутящееся, косматое влетело в дверь, и едва не задев потолок, приземлилось в нескольких шагах от Алисы! Она изумленно распахнула глаза.

Посреди салона в странной позе замерла фигура, облаченная в некое подобие плаща – если только бывают плащи, сшитые из множества длинных матерчатых лент шириной в ладонь. Голову этого фрога венчала шляпа; с её полей также свешивались ленты, полностью скрывая лицо. Больше Алиса не успела ничего рассмотреть: серая фигура вновь пришла в движение. Ленты с шуршанием взмыли в воздух: казалось, посреди салона распустился огромный экзотический цветок – из тех, что растут в диких джунглях. Незнакомец словно бы исполнял некий стремительно-гармоничный танец внутри этих развевающихся одеяний. Пластика его движений была сродни безошибочной изящности хищника.

Спутники кронпринца, повскакивавшие со своих мест, казались рядом с ним неуклюжими увальнями. В руке одного блеснул пистолет, но серая лента неожиданно обвилась вокруг ствола, и оружие отлетело в сторону. Никто не сумел ни ударить, ни схватить незнакомца: он, вроде бы, лишь слегка касался нападавших – но те валились на пол, словно тряпичные куклы, разом утратив способность двигаться. Вот он очутился прямо перед кронпринцем: неуловимое, словно бросок змеи, движение – и тот медленно, как во сне, опрокидывается назад, игральные фишки дождем сыплются на пол, а серый фрог устремляется к лестнице. В этот миг Алиса успела разглядеть меж развевающихся лент лицо: плоское, бледное, с расплывшейся пигментацией и подернутыми мутной белесой пленкой глазами…

Хлопнул выстрел. Пуля, громко цвиркнув, срикошетировала от стены, и тут же пронзительно завизжали дамы. Стрелял один из охранников кронпринца, сбитый с ног – из положения лёжа, опираясь на локти. К ногам Алисы спланировал обрывок ленты – но, похоже, это был единственный урон, нанесенный незнакомцу. Очутившись на нижних ступенях, он вдруг совершил невозможный, невероятный кульбит, одним махом преодолев всю лестницу, и выскользнул за дверь. Алиса нагнулась и подобрала упавший клочок ткани. Плотная холщовая материя была подогнута с конца, образуя нечто вроде зашитого кармашка; внутри имелось нечто сыпучее – должно быть, специально для утяжеления… Она быстро затолкала странную вещицу в карман.

По салону вдруг пронёсся порыв свирепого ледяного ветра. Панические вопли зазвучали с новой силой: кто-то открыл люк, ведущий на верхнюю палубу, и плотный воздух теперь рвался из корабля наружу, в разреженную забортную атмосферу. Большую часть масляных ламп тут же задуло. Пассажиры в панике метались по салону, охранники кронпринца стонали и вяло шевелились, понемногу приходя в себя, пытаясь подняться на ноги – а сам он, мелко подёргиваясь, лежал на ковре. В горле Его Высочества клокотало и хрипело, по бокам шеи надувались и опадали пузыри, из приоткрытого рта вывалился длинный язык… И только тут Алиса наконец-то испугалась по-настоящему.

***

– Позор! Просто позор! Один-единственный негодяй шутя прорывается сквозь вооруженную охрану – это восемь, черт побери, прекрасно обученных специалистов! А потом кончает жизнь самоубийством, бросившись за борт с двухмильной высоты! Что это, я вас спрашиваю?! Откуда здесь взялся этот… Фанатик?!

– Но, сэр! При чем же здесь я?! – капитан «Эксцельсиора» готов был провалиться сквозь пол.

– Потому что именно вы отвечаете за безопасность на борту! Я уже не говорю, что могла пострадать моя дочь!

– Но, господин посол… В списках пассажиров его не было, это совершенно точно! Должно быть, он загодя проник на корабль и где-то прятался всё время… – в голосе капитана послышались нотки неуверенности.

– Я не оставлю этого так, имейте в виду! По прибытии в столицу должно быть проведено самое тщательное расследование… – посол Грей возмущенно тряхнул гривой серебристых волос. – А теперь мне нужен доступ к радиопередатчику, и немедленно!

– Он полностью в вашем распоряжении… – капитан кивнул на отделанный красным деревом футляр радиостанции. – Вы можете просто продиктовать текст, или записать…

Посол не обратил на эти слова никакого внимания. Он извлёк из-за пазухи кожаный футляр, размером с большой портсигар, и открыл его. Внутри поблёскивали ряды круглых латунных клавиш с выгравированными на них буквами. Размотав тонкие провода с крохотными зажимами, Грей ловко закрепил их на контактах ключа и вставил в щель на боку устройства карту из плотного картона – размером с визитку, но усеянную десятками маленьких дырочек. Со знанием дела подведя верньер настройки рации, он принялся набирать текст. Устройство чуть слышно пощелкивало. Спустя мгновение прерывисто зажужжало реле: сигналы пошли в эфир. Отбив короткое сообщение, посол спрятал необычную машинку в карман и молча покинул рубку.

– Что это было, капитан?! – удивленно спросил фрог-телеграфист. – Я думал, закон о научно-техническом эмбарго распространяется на всех без исключения…

– Шифраторы – наше изобретение. В военном флоте такими штуками пользуются по меньшей мере, пару лет… – Капитан нервно сглотнул. Ну и рейс, подумать только! Мало ему покушения на убийство, мало того, что корабельный лазарет забит полупарализованными охранниками кронпринца… Так теперь посол Метрополии едва ли не обвиняет его во всей этой донельзя странной и скверной истории! Капитан склонился к раструбу переговорной трубы.

– Доктор Хва, вы слышите? Как там Его Высочество?

– Без изменений… Состояние по-прежнему тяжелое.

– Вы можете сказать, что с ним такое?

– Похоже на апоплексический удар, но...

– Значит, никаких ранений? – на всякий случай переспросил капитан.

– Вообще никаких видимых повреждений, если не считать нескольких странных синяков…

– Синяки?

– Они совсем маленькие, будто вдавлины от карандаша – к слову, у остальных пострадавших такие же…

– Возможно, яд?

– Не представляю, что бы это могло быть… Да и кожные покровы не нарушены… Надеюсь, врачи в Амфитрите окажутся более компетентными…

Сотня с лишним винтов, установленных на решетчатых мачтах и реях, рубили холодный воздух высот; яркими искрами пронзали ночь карбункулы габаритных огней. «Эксцельсиор» шел навстречу восходу. По прошествии полутора суток летающий корабль достиг места назначения.

Амфитрита была великолепна. Идущий на посадку воздушный корабль разорвал облака, и взгляду пассажиров предстала панорама столицы. Бесчисленные каналы серебристой паутиной поблескивали среди буйной зелени; по краям взлетного поля трепетали красно-белые государственные флаги. За ограждением теснились повозки рикш и паланкины; возницы и носильщики переминались с ноги на ногу в ожидании клиентов. Чуть поодаль негромко жужжали моторы диномобилей – длинных, приземистых, напоминавших одновременно старинные авто и огромных жужелиц. Над капотами покачивались длинные усы антенн-энергоприемников, украшенные разноцветными вымпелами.

Откинувшись на упругие кожаные подушки, Алиса с любопытством поглядывала в окно. Город утопал в цветах. Они были везде: распускались на деревьях, покачивались в ящиках, подвешенных на перилах мостов и балконах, пышным ковром цвели на бесчисленных, обрамляющих обочины дорог и берега каналов клумбах – пурпурные, лимонно-желтые, фиолетовые, источающие головокружительные ароматы. Местная архитектура, казалось, подстрекает к нескончаемой сиесте: дома-шатры, дома-веранды, дома-беседки с затянутыми вьющимися растениями стенами, дома-оранжереи со стеклянными крышами… Уличных скамеек не было вовсе, их заменяли гамаки, развешанные где только возможно. Двери частенько открывались прямо в канал – либо в воду спускались изящные, закрученные прихотливой спиралью лесенки. Строили фроги в основном из дерева и тёмного, красно-бурого, обожженного до звона кирпича.

Потрясающее местечко эта Амфитрита, решила девочка – и едва приехав в посольство, шагнула из диномобиля с твёрдым намерением возместить себе отсутствие благ технологической цивилизации полным набором потрясающих впечатлений.

***

– Подведем некий итог, – остановил я словоизлияния посла. – Она ушла около трех часов назад и до сих пор не вернулась, так? В полицию вы пока не обращались… Кстати, почему? Конечно, здешним мастерам сыска далеко до копов Метрополии, но дело своё они знают…

– Я не хочу скандала, поймите! – Грей перестал мерить шагами кабинет и рухнул в кресло. – Возможно, она просто отправилась, э-э, развеяться… Ожидание, прививки, да и само перемещение… Генераторы ван Верде – то ещё удовольствие, вы понимаете… Она же подросток, непоседливая и…

– Своенравная, да? – из разговора с послом у меня сложилось именно такое впечатление.

– Возможно, я позволял ей слишком многое, – нехотя признал Грей. – Но у меня и в мыслях не было, что она способна на столь легкомысленный поступок! Особенно после всего случившегося… Господин Монтескрипт, я не желаю, чтобы полиция допрашивала мою дочь в связи с этим делом! По крайней мере, я должен присутствовать при таком разговоре…

– Значит, покушение на кронпринца…

– Это пока подождёт! – решительно заявил Грей. – Первым делом – найдите Алису и обеспечьте ей безопасность; всё остальное потом… Но, разумеется – если она вернется сама, тогда конечно, сразу же приступайте к расследованию…

– Договорились, – я встал. – Для начала мне потребуются две вещи: фото вашей дочери – и аванс.

Получив требуемое, я вышел за ворота посольства и в раздумье замедлил шаг. Мне не нравилась вся эта история; слишком уж серьёзные персоны оказались в ней задействованы с самого начала. Стоит ненароком перебежать кому-нибудь дорогу… На другой чаше весов, правда, был весьма солидный гонорар – и профессиональная гордость. Проклятый Маскарпоне, по сути, лишил меня возможности отказаться: такой шаг выглядел бы капитуляцией, жалкой попыткой увильнуть. Кое-кто считает удар по голове мягким предупреждением, да? Придется ему доказать, что в случае с Эдуаром Монтескриптом это равнозначно объявлению войны!

Раз уж я всерьёз решил бодаться с парнями дона, следовало позаботиться о тылах. Учитель Тыгуа – вот кто мне нужен, и чем скорее, тем лучше. В конце концов, девчонка Грей никуда не денется: я был уверен, что найду её ещё до захода солнца – если только она сама не вернется к тому времени в посольство.

Амфитрита окружена болотами. Это неудивительно: столица амфибийного королевства изначально была свайным городом посреди озера, точнее – системы мелких озер, согреваемых кое-где геотермальными источниками и связанных бесчисленными протоками. Со временем воду загнали в каналы, сушу нарастили, а заболоченные берега, раскинувшиеся на многие километры, сделались чем-то вроде пригородов – будь то разбойные Весёлые Топи, куда не следовало соваться без крайней нужды, или благопристойный и респектабельный Орхидейник. Попасть туда можно было лишь на лодке – или же вплавь, если такое позволял ваш статус, темперамент и физические возможности. Я выбрал первый способ – и спустя час шагнул на заболоченный берег.

Город, казалось, остался позади: растительность вокруг была столь буйной, что это место мало чем отличалось от девственных лесов. Лишь разбегающиеся во всех направлениях дощатые настилы свидетельствовали о неком присутствии цивилизации. Углубившись в зеленый лабиринт, я шаг за шагом вспоминал дорогу. Тротуар скоро превратился в узкую тропинку меж стен здешнего исполинского камыша – его стебли вчетверо превышали человеческий рост. Под ногами хлюпало. За очередным поворотом тропинка вовсе прекратила существование – впереди расстилалась огромная лужа; целый пруд, дальний конец которого прятался под нависшими ветвями низкорослых деревьев. Я продолжал идти. Вода сперва доставала до колен, потом сделалась по пояс. В дождливые дни бывало и выше – учитель Тыгуа иногда заставлял нас спарринговать, стоя по горло в пруду, а то и вовсе удерживаясь на плаву. Конечно, ученикам-фрогам всё это давалось легче, чем мне; но возражения не принимались. «Если ты умеешь драться – ты умеешь это везде! – ревел Тыгуа. – Под водой, на крыше, в снегу, в кромешной темноте – везде, понял! Вперед, парень! Разбей ему физиономию вдрызг! Где кровь?! Почему я не вижу крови?! – и добавлял, отдуваясь: – Я вас, засранцев, либо выучу, либо убью».

Сочные шлепки ударов я услыхал раньше, чем увидел хижину учителя – по обычаю, она пряталась в густой листве вьющихся растений. У входа была сделана деревянная площадка; по ней азартно скакал подросток-фрог, нанося в прыжке удары по пузатому кожаному мешку, подвешенному к стропилам веранды. Учитель Тыгуа сидел под навесом, обихаживая армейский мачете – с литой резиновой рукоятью и прямым, расширяющимся к острию клинком. Возле ног его, на крохотной жаровне, грелся небольшой котелок с расплавленным лаком. Время от времени Тыгуа окунал туда кисть-флейцовку и проводил ей по лезвию. В здешнем климате любое железо ржавеет моментально, и владельцу оружия не обойтись без тщательного ухода за ним; клинки коррозионно-стойкой стали имелись, насколько я знал, лишь у королевских гвардейцев.

У фрогов нет рёбер. Внутренние органы покоятся в своеобразном мускульном мешке – а тот имеет тенденцию с возрастом растягиваться, увеличиваясь в размерах. Поэтому лет

до тридцати мои соотечественники-амфибии выглядят стройными и голенастыми; зато после сорока все без исключения приобретают внушительных размеров брюшко. Незнакомому с этой физиологической особенностью они могут показаться разжиревшими и неуклюжими; на самом же деле фроги не теряют ни капли ловкости и быстроты. Пузо учителя Тыгуа напоминало тугой аэростат – но я не позавидовал бы тому, кто сочтет его легкой добычей. Одежду наставника составляли старый кожаный жилет, набедренная повязка и сандалии – насколько помню, я ни разу не видел его в чем-то другом, разве что зимой эти предметы дополнял тёплый плащ. Он, конечно, услыхал мои шаги (слух у фрогов отменный), но виду не подал, лишь зыркнул единственным глазом – другой, пораженный бельмом, скрывала черная пиратская повязка.

– Хлесткость! Удар должен быть хлестким! – рявкнул он ученику. – Резкость и быстрота, понял?! А ты входишь быстро, но бьешь слабо, либо начинаешь двигаться, как деревянный! А вот попадется тебе противник вроде него, – тут Тыгуа кивнул в мою сторону. – Слабым ударом такого не вырубишь, а от медленного он уйдёт или заблокирует! Так, ладно, на сегодня хватит… Упор лежа принять! Отжался! Встал на кулак! Спина прямая, прямая спина! В струнку!

Я сочувственно покосился на ученика. «Стойка на кулаке» была фирменным упражнением школы Тыгуа. Вроде ничего особенного, статическая нагрузка – но попробуйте простоять так хотя бы пять минут!

С неба рухнул ливень. Дожди здесь льют часто, бывает, и по нескольку раз в день. Обычно они кратковременные, но дьявольски сильные. Я надвинул шляпу на лоб и поёжился. Всё вокруг скрылось за стеклянистой завесой, деревянная площадка перед домом уподобилась кипящей кастрюле. Тугие струи хлестали неподвижно замершего фрога, шипя и дробясь на мелкие капли, гулко барабанили по крыше.

– Достаточно! – заявил, наконец, Тыгуа, и обессиленный ученик распластался на мокрых досках. – Следующая тренировка как обычно… Ну здравствуй, Эд. С чем пожаловал?

– Мне нужна ваша консультация, учитель, – я зашел под навес и присел на корточки. – Чем можно вырубить человека метров с пяти – так, чтобы он сразу потерял сознание?

Тыгуа придирчиво осмотрел клинок, отложил его в сторону и мрачно уставился на меня единственным глазом.

– Давай-ка подробнее, – велел он; и я принялся пересказывать события сегодняшнего утра.

– Значит, по затылку… – задумчиво протянул Тыгуа и вдруг, безо всякого предупреждения, взорвался: – Я что, учил тебя поворачиваться к противнику спиной?!

– Но я разговаривал…

– Да плевать, с кем ты там разговаривал! Ты оставил сзади угрозу, даже краем глаза не следил – и ещё удивляешься, что тебя вырубили?! Почему ты не встал вполоборота, чтобы контролировать тех двоих? Что тут сложного?!

Я стиснул зубы. Он, конечно, был прав: от парней Маскарпоне по определению следовало ожидать какой-нибудь пакости.

– Я слишком расслабился, признаю. Ошибка…

– Твоя ошибка не в этом, – жестко перебил Тыгуа. – С самого начала ты позволил тем двоим диктовать правила игры; вот где ошибка! Я же тысячу раз говорил вам, олухам: весь мир делится на хищников и жертв! Люди, фроги – неважно… У тебя была возможность выбрать линию поведения хищника: оскалиться, зарычать, врезать по физиономии, короче, продемонстрировать силу. Не сделал этого? Всё, ты сам перевел себя в разряд жертв! Удар по башке – всего лишь следствие.

– Знаете, что такое мафия? Если бы я сделал, как вы советуете – вполне возможно, повстречал бы вскоре пять-шесть амбалов; тут дело вряд ли ограничилось бы шишкой на затылке…

Этого, пожалуй, говорить не следовало. У Тыгуа четкая жизненная позиция относительно физического насилия и ситуаций, в которых оно необходимо.

– С такими рассуждениями ты скоро от собственной тени будешь шарахаться! – напустился он на меня. – Ах, как бы чего не вышло! Злые дяди придут и сделают бо-бо! Может, да, а может, и нет! Какого ты вообще у меня учился?! Я что, тратил свое время на труса?! Ты самый сильный и страшный, Эд! Ты, а не они! Вот что всегда надо помнить! Такие вещи решаются на уровне инстинктов – и сразу, в первые секунды, а не потом! Отныне ты законная добыча для этой компании!

– Ну уж дудки! – возмутился я. – Теперь я буду готов к встрече!

– Тогда тебе придется проломить пару-тройку голов!!! – взревел Тыгуа.

– Да нет проблем! – я тоже начал заводиться, хотя прекрасно понимал – учитель делает это нарочно. Такой у него метод…

– Ну и хорошо, зачем орать-то, – нормальным голосом сказал Тыгуа. – Дай-ка мне вон ту корзину…

Порывшись в содержимом, он извлёк странный предмет. Присмотревшись, я понял, что это туго набитая чем-то перчатка; вдобавок, некто сметал пальцы грубой сапожной дратвой – таким образом, что она напоминала сжатый кулак. К раструбу была прикручена длинная эластичная лента.

– Такая штуковина называется «воздушный кулак», – пояснил Тыгуа. – Ничего сложного: пригоршня свинцовой дроби, зашитая в толстую кожу – и гуттаперчевый ремень. Возьми-ка.

Я взвесил вещицу в руке. Ого! Увесистая штучка; такая вполне может отправить в царство сновидений – если хорошенько приложиться, конечно.

– Хотите сказать, он метнул её? – с сомнением спросил я.

– Вот стоило тебе забросить тренировки – и ты сразу позабыл о разнице между человеком и фрогом, – наставительно заметил Тыгуа. – Ваша раса в целом сильнее; мы же немного быстрее и, как бы это сказать…

– Хлесткие!

– Точно! – ухмыльнулся он. – Да ты вспомни собственные спарринги. Средний человек заломает среднего фрога в борьбе; а вот в боксе, весьма вероятно, получит нокаут – просто потому, что наши конечности более приспособлены для резких, взрывных движений.

– Хулиганская штучка…

– Так и есть. Вот, смотри… – рука Тыгуа вдруг с неуловимой быстротой распрямилась. Потревоженный воздух коротко свистнул возле моего уха, а в следующий миг сквозь рокот ливня донёсся звонкий шлепок – перчатка врезалась в мешок с песком, на котором отрабатывались удары. Сам учитель даже не шевельнулся: он продолжал сидеть, скрестив ноги, напротив меня. Лёгкое движение кисти – и гуттаперчевая лента, сократившись, бросает «кулак» обратно. Тыгуа, не глядя, поймал его на лету.

– Вот так оно и бывает…

– Что ж, буду знать! – я погладил затылок. – Учитель, у меня к вам ещё один вопрос. Есть ли способ парализовать фрога… Или, скажем, вызвать инсульт, нанося удары по определенным точкам?

– Сказки! – отмахнулся Тыгуа. – Вот хороший прямой в голову иногда может вызвать инсульт, и не только у фрога, кстати. Но башку противника вряд ли назовёшь «точкой», хе-хе…

– А как насчет такого… – и я пересказал ему историю посла, разумеется, без упоминания имен и места действия.

– Сказки! – упрямо повторил учитель. – Все эти россказни о великих мастерах, древних воинских искусствах и тайных школах – полная лажа… Годятся для того, чтобы выманивать деньги у простаков.

– То есть, тайных школ не существует?

– Да их полно! – широкий рот Тыгуа расплылся в ухмылке. – Я же говорю, для легковерных подростков – самое то! Управляешь жизненной силой, изучаешь смертельные удары по энергетическим точкам… Спустя некоторое время начинаешь чувствовать себя великим бойцом – ну, до первой настоящей драки, конечно.

– Значит, ничего *настоящего*? Ну, а слухи, легенды…

– О, слухи периодически возникают, на то они и слухи… – Тыгуа неопределенно помахал длиннопалой ладонью. – Сам знаешь, как оно бывает: кто-то когда-то слышал о ком-то, кто собственными глазами видел… Отшельники, закрытые религиозные секты, горные кланы, передающие воинское мастерство по наследству… Мой тебе совет – не увлекайся экзотикой. Я учу простым и эффективным вещам; и знаешь – оно работает!

Ливень иссяк – так же внезапно, как начался. Из-за облаков выглянуло солнце, и в насыщенном влагой воздухе тут же расцвели бледные радуги.

– Почему ты не носишь пистолет? – вдруг спросил учитель.

– До недавнего времени не было нужды, – пожал я плечами. – И потом, я вообще не люблю порохового оружия. Стоит разок попасть под дождь – и всё, затравка намокла, пистолет превратился в бесполезный кусок металла…

– А что, иметь при себе герметичную пороховницу религия не дозволяет? – ехидно поинтересовался он. – Да и кусок, как ты говоришь, металла я бы не назвал таким уж бесполезным: неужели забыл, сколько всего интересного можно сделать короткой дубинкой?

Я не стал объяснять ему, что мой пистолет свободно умещается в ладони: сам Тыгуа предпочитал старую армейскую модель почти в локоть длиной, да ещё с медным «яблоком» на конце рукояти для утяжеления. Правда, владел он этим монстром с поистине чудовищной эффективностью…

– Пожалуй, вы правы. Сегодня же достану его и почищу.

– Вот-вот, почисти, – кивнул Тыгуа. – Кстати, как у тебя с деньгами?

– Я получил аванс…

– Загляни-ка в монастырь к Скрывающим Облик, поговори с настоятелем. Пусть выделит тебе послушника для охраны; скажешь, я попросил. Да смотри не торгуйся: сколько он там скажет, столько и заплатишь, у них на эту тему спорить не принято.

Я молча поклонился, в который раз дивясь на своего наставника: связи Тыгуа были выше моего разумения. У него с равной легкостью мог оказаться в старинных приятелях высокопоставленный чин королевской разведки – или же, как сейчас, полуопальный религиозный лидер.

– Не знаю, стоит ли… Если за мной будет таскаться парень в маске, о скрытности можно забыть…

– Тебе что, собственная голова не дорога?! – рявкнул Тыгуа.

В этом весь учитель. Он искренне проповедовал отчаянную смелость – что, в общем, означало нарываться на неприятности; но при этом терпеть не мог, когда с его учениками случалось что-нибудь скверное… Хм, а ведь телохранитель и впрямь будет нелишним – не для меня, а для девчонки Грей! Одним из пунктов нашего договора с господином послом было – обеспечить ей защиту; вот и прекрасно! Головной болью меньше, вдобавок, мне не придется расплачиваться из собственного кармана: деньги телохранителю – законные деловые расходы. Следовало признать, Тыгуа дал отличный совет: Скрывающие Облик были великолепными бодигардами, фанатично защищавшими своих клиентов – так велела их странная религия…

– Благодарю, учитель! – я вновь отвесил поклон.

– Другое дело… – проворчал Тыгуа. – Ладно, иди; я уж вижу, ты весь извелся от нетерпения… Нужны тебе мои поучения, как фрогу зонтик!

– О нет, что вы! – запротестовал я. – Я благодарен за каждое слово!

– Да брось, в самом деле… – Тыгуа явно охватил приступ скромности, и теперь у нас началось своеобразное соревнование. – Кому охота слушать старого сумасшедшего драчуна? У тебя, небось, дел полно – что я, не знаю, как ты вертишься, великий сыщик…

– Да не так уж и верчусь… Пока. Ну, разве что, предстоит найти одного не в меру резвого подростка… Человеческого подростка. Но это же пара пустяков!

– Хм… Подростка, говоришь? В таком случае, я на твоём месте поспешил бы управиться до вечера, – заявил Тыгуа. – Ты забыл, какой сегодня день?

Я непонимающе взглянул на него, быстро прикинул – праздник Красных Шарфов был девять дней назад, значит, сегодня тринадцатый день сезона Черной Орхидеи… Сердце вдруг ёкнуло.

– Ага, дошло? – ехидно ухмыльнулся Тыгуа.

– Праздник Мёртвых!

Глава 3. Ошибка Алисы Грей

Алиса Грей покинула здание посольства с твёрдым намерением не возвращаться обратно ближайшие несколько часов. «Мам, пап, буду к вечеру. Не беспокойтесь!» – гласила оставленная ею записка. Конечно, родители будут ругаться – но… Ах, это восхитительное чувство свободы! После адского напряжения экзаменов (сдавать пришлось экстерном), после бешеного ритма мегаполиса, после выматывающих формальностей и на редкость муторного воздействия генераторов ван Верде очутиться в сказочном царстве… Нет, даже не так: в городе твоих грёз! Сейчас Алиса готова была простить Амфитрите отсутствие телевидения и Интернета, даже невозможность сфотографировать что-либо не слишком её огорчала… Хотя фотоаппарат обязательно надо будет вытрясти из родителей; здесь уже изобрели фотографию, даже цветную – жаль только, что эти штуковины такие громоздкие, оно и понятно – никакой тебе электроники… Теперь она хорошо понимала извечное ворчание туристов по поводу закона о научно-техническом эмбарго: не так уж весело современному человеку добровольно низводить себя до уровня аборигенов. С другой стороны, в этом тоже есть своеобразная прелесть: пис*а*ть пером на настоящей, ручной выделки бумаге, готовить пищу на живом огне, ездить на рикше…

Алиса шагнула к краю тротуара и вскинула руку. Трусивший мимо фрог-рикша послушно остановился, моргнул из-под плетёной шляпы огромными золотистыми глазищами – видно было, как по глазному яблоку скользнула прозрачная мигательная перепонка..

– Куда-куда, мисус? – квакнул он на ломанном метрополе. Алиса, прикусив губу, чтобы не рассмеяться, вскарабкалась в повозку и неопределенно махнула рукой вдоль улицы.

Рикша неспешно потрусил вперёд. Здесь вообще никто не спешит, внезапно поняла Алиса: неторопливый ритм жизни, казалось, пронизывал всё вокруг. Вот на берегу канала застыли фроги с удочками; мимо них, лениво взмахивая веслом, ползёт лодка с пассажирами, ветер ласково перебирает листву незнакомого дерева, покачивает тяжелые гроздья пятнистых соцветий… Внезапно одно из зданий обратило на себя внимание девочки. Конечно, для любого обитателя Метрополии здешняя архитектура выглядела на редкость экзотично; но дом, фасад которого целиком выстроен из огромных, потемневших от времени и поросших кое-где мхом бочек – это уже чересчур! Широко распахнув глаза, Алиса уставилась диковинную постройку. Бочки, похоже, были не декоративным изыском, а самым настоящим строительным материалом: их скрепляли меж собой толстенные полосы кованой, позеленевшей от времени меди. Над широкими дверями красовалась яркая черно-оранжевая вывеска. Сложной формы буквы напоминали одновременно китайские иероглифы и пиктограммы майя. Прочесть написанное она, конечно, не могла, но в этом не было нужды: ползущие изнутри запахи оповещали любого желающего – здесь готовится еда!

– Стой! – Алиса похлопала возницу по плечу и с некоторым сомнением сунула ему мелкую монетку. Та сразу перекочевала в защечный мешок: очевидно, рикша счел плату достаточной.

Войдя внутрь, девочка приостановилась в сомнении. Зал был полон посетителей; свободных столиков она не увидела. Может, там, в глубине…

– Эй! Сюда! – негромко окликнули Алису. Какая-то женщина, на вид лет тридцати, с ярко-рыжей шевелюрой, улыбалась ей и махала рукой.

– Присаживайся без стеснения, – заявила дама, стоило Алисе подойти. – Здесь всегда полно народу, но кухня – это что-то…

– Спасибо! – Алиса устроилась на сиденье, также представлявшем собой бочонок – правда, обитый сверху упругой кожей – Меня зовут Алиса Грей...

– Эльза Нимитц, – представилась незнакомка. – А ты, конечно, приезжая, туристка: это сразу видно.

– Правда?

– Ну естественно! Те, кто живут здесь давно, становятся похожими на аборигенов… Не внешностью, упаси бог! – вдруг рассмеялась Эльза. – Какой-то особой внутренней расслабленностью… Здесь никто не беспокоится о завтрашнем дне, ты уже заметила? Ну, или почти никто… Кстати, ты только что взяла насекомое меню.

– Насекомое?!

– Ну да, это ведь мир амфибий, знаешь ли, – собеседница иронично вздернула бровь. – Инсектов тут хватает, особенно в болотах; причем некоторые очень даже ничего на вкус. Но новичков всё-таки лучше предупреждать – разумеется, если ты не готова к рискованным гастрономическим экспериментам.

– Пожалуй, нет, – призналась Алиса. – Может, порекомендуете мне что-нибудь?

– Филе радужных рыб – это бесподобно! – решительно заявила Эльза. – И салат с орхидеями; а ещё – чай из плодов чонбу, отлично расслабляет и тонизирует.

– Давно вы здесь живёте? – поинтересовалась Алиса.

– Шесть лет… Даже шесть с половиной. И чертовски жалею, что не посетила это сказочное местечко раньше. Пацифида настоящий рай для того, кто занимается духовными практиками... По крайней мере, в теплый период. Зимой здесь совершенно нечего делать, к сожалению.

– А почему?

– Ну, это же фроги, не забывай. Большинство из них впадает в криобиоз. Просто замерзают в своих бассейнах, а возвращаются к жизни лишь весной… Активность поддерживают немногие – один на сотню, думаю.

– Ничего себе! А духовные практики… Вы имеете в виду религию?

– О, нет! Религия – путь большинства… Я же встретила здесь тех, кто предпочитает искать собственные тропинки к познанию.

Принесли заказ. Алиса с интересом разглядывала полоски рыбьей плоти – нежно-розовой, с чуть заметными радужными переливами. Салат немного походил на греческий – крупные ломти овощей, обильно политые маслом. Мясистые лепестки орхидей издавали тонкий аромат. Ощутив внезапный приступ голода, девочка с аппетитом принялась за еду. Рыба была неплоха, но в общем – ничего особенного, за исключением разве что необычного вида; зато салат превзошел все ожидания. Незнакомые дары природы прямо-таки взрывались на языке чудн*ы*м вкусом – он будоражил память странными ассоциациями. Напиток из плодов чонбу был прохладным, но после нескольких глотков вызывал приятное тепло и расслабленность во всем теле – словно алкоголь; однако голова при этом оставалась ясной.

– Я ведь актриса, мне довелось гастролировать во многих местах, – увлеченно продолжала Эльза. – Теософия – моё главное хобби. И знаешь, ни один из миров спектра ван Верде

не может похвастать таким многообразием религиозных школ и направлений, как этот. Представь себе цивилизацию, ориентированную не на прогресс, а на гармонию! По сравнению с местными жители Метрополии… Даже не знаю, как сказать… Они словно... Как механизмы – чертовски эффективные и чертовски скучные. Ох, извини – надеюсь, ты не обиделась?

– Да нет, что вы! – улыбнулась Алиса. – Ну, а фроги? Они что, другие?

– О да, и не только фроги, знаешь ли! В Амфитрите довольно большая иммигрантская община; в основном те, кто не смог вынести давление технологической цивилизации… Здесь полно чудаков, ученых-оригиналов, людей искусства – словом, у нас куда веселее, чем в обществе бесчисленных клерков и юристов! Я уже не говорю о великих мистиках – пожалуй, они сохранились только здесь…

– Так вы нашли себе гуру? – сказала Алиса и тут же смутилась: не сочтет ли новая знакомая эти слова за насмешку?

– Гуру? – задумчиво переспросила Эльза. – Нет… Не могу сказать, что я стала его ученицей. Но это знакомство открыло мне глаза на многие вещи, о которых я раньше просто не задумывалась.

– О ком это вы?

– Шакки, Шакки из Ирокко... Вообще-то он импресарио: владелец бродячего театра и режиссер. Но его труппа одновременно и его ученики – своего рода маленькая секта… В хорошем смысле, – улыбнулась Эльза. – Он прирожденный властитель умов, человек знания… То есть фрог. Очень сильная и необычная личность… А ты любишь театр?

– Ну… Если честно, мне больше нравится кино, – дипломатично ответила Алиса. – Там меньше условностей…

– Заблуждение! – многозначительно подняла палец новая знакомая. – Синематограф – это самое бездушное из искусств! Театр, дорогая моя – вот где истинная магия! Когда ты заставляешь зрителя поверить, что дощатый помост и тряпка с намалеванной картинкой – это настоящий мир… О-о, это чувство ни с чем несравнимо! Ну, а что привело в этот мир тебя?

– У меня сейчас каникулы… – Алиса замялась: как бы поделикатней сформулировать своё положение. К счастью, Эльза поняла её по-своему.

– Ну что же, ты сделала отличный выбор! Кстати, как у тебя со свободным временем? – тут собеседница подалась вперёд и заговорщицки прошептала: – Давно собиралась поглядеть на арлекинову рыбу! Между прочим, самый крупный хищник в этой части планеты. Не хочешь составить мне компанию?

Никаких возражений у Алисы не имелось; кроме того, её совершенно покорило, что Эльза Нимитц ни разу за всё время их знакомства не произнесла сакраментальной фразы «если разрешат твои родители».

– Я знаю иммигрантов, которые по прибытии сюда сжигали свои паспорта и начинали жизнь заново. Придумывали себе имена, даже биографии – и не имели больше никаких дел ни с посольством, ни с Метрополией. Второе рождение! Разве это не здорово – шанс начать всё сначала, с чистого листа? – Эльза мечтательно вздохнула и улыбнулась. – Впрочем, тебе ещё рано о таком думать. Вряд ли ты успела совершить в жизни много ошибок!

– В таком случае, пойдёмте из совершать сейчас же! – предложила девочка.

Добираться до места пришлось часа полтора, сперва на рикше, потом на лёгкой и валкой лодчонке – любое неосторожное движение грозило ей зачерпнуть бортом. Подросток-фрог, стоя на корме, управлял своим плавсредством с бесшабашной непринужденностью. Доставив пассажирок к месту высадки, он перехватил поудобнее весло, выволок лодку из воды и, пятясь, перетащил её в соседний канал. Эльза Нимитц и Алиса осторожно пробрались по узкой доске через заболоченный пустырь, то и дело отмахиваясь от настырных насекомых, и ступили на твердую почву. Этот квартал состоял сплошь из дощатых, приземистых, крытых соломой хибар – изящества центральных районов столицы здесь не было и в помине. Зелени, впрочем, хва-

тало: вьющиеся по стенам и окнам растения, как и везде в Амфитрите, служили своеобразным занавесом, спасающим обитателей от жгучих лучей светила.

Арлекинова рыба обитала в большом круглом бассейне с проточной водой; даже здесь, в трущобах, она была кристально-чистой. Алиса вытянула шею, но так ничего и не смогла разглядеть: в прозрачной глубине лениво колыхались зеленые и бурые водоросли. У ограждения толпилась публика; в основном, конечно, фроги – но и людей тоже хватало. Маленький юркий букмекер в соломенной шляпе принимал ставки. Многие держали в руках пузатые глиняные кувшины, время от времени прикладываясь к ним. Среди толпы то и дело раздавались лёгкие щелчки: амфибии выстреливали языком, ловя на лету круживших над ними мошек.

– Для них это вроде бесплатной закуски к пиву, – пояснила Эльза, крепко держа Алису за локоть и бесцеремонно проталкиваясь к ограде. – Единственная привычка местных, с которой я так и не могу свыкнуться. Ну представь себе: беседуешь с какой-нибудь важной персоной, вдруг – шлёп! И он ловит муху возле самого твоего носа… А потом как ни в чем не бывало продолжает разговор.

Алиса хихикнула. Меж тем гомон толпы вдруг взлетел вверх: появился главный участник. Пожилой фрог, скособочившись, тащил огромное жестяное ведро. В нём, суетливо перебирая щупальцами и трепеща маленькими плавничками, кружили странные создания размером с футбольный мяч.

– Это что, осьминожки?!

– Нечто вроде. Головоногие, местная порода…

Пожилой фрог меж тем достал здоровенную шумовку и нож. Подцепляя по очереди каждого моллюска, он делал маленький надрез на кончике одного из щупалец. Алиса заметила, что на коже у них черной несмываемой краской сделаны пометки.

– Это цифры, – пояснила Эльза. – Чтобы видно было, которого первым съедят. А надрезы – чтобы привлечь хищницу запахом крови: арлекинова рыба чует его сразу.

– Жестоко! – заметила девочка.

– Ну, это же не Метрополия с её обществом защиты прав животных! Фроги азартны, знаешь ли: делать ставки – любимое развлечение местных…

Меж тем вода в ведре приобрела лиловый оттенок от сочащейся крови моллюсков. Пожилой фрог подошел к низенькому бордюру и крякнув от натуги, выплеснул «осьминожек» в бассейн. Зрители тотчас принялись вопить. Гвалт сделался просто оглушительным.

– Не успела сделать ставку! – с досадой сказала Эльза. – Ну ничего, следующая кормежка…

В этот миг водорослевый ковер словно взорвался. Фантастически уродливое и нелепое создание прямо-таки выстрелило из глубины бассейна. Хищница походила на морского черта: сплюснутое, как у камбалы, тело, непропорционально огромная голова – и ряды острых полупрозрачных зубов в широченной пасти. Более всего поражала её расцветка. Голова твари была такой же зеленовато-бурой, как водоросли, зато тело усеивали крупные пятна, складывающиеся в орнамент – черные, белесые и ярко-красные, словно разноцветные заплаты на костюме арлекина.

– Да она же огромная! Почти с меня! – ахнула Алиса.

– Ха, это ещё молодая особь! Как ты думаешь, зачем вокруг бассейна дополнительное ограждение?

– Что, неужели…

– Ага. В прежние времена публика толпилась возле самого бортика, и частенько случалось, что рыба утаскивала на дно одного из зевак. К слову, фроги воспринимали это как должное: опасность быть съеденным добавляла особой пикантности развлечению.

– Ужас! – девочка передернула плечами.

– Наш монарх посчитал так же. Был даже издан специальный королевский указ, насчет сетки.

Служитель уже тащил новое ведро. Эльза, азартно встряхнув огненной шевелюрой, тут же ввинтилась в толпу, проталкиваясь к букмекеру. Алиса вдруг почувствовала дурноту. Воздух словно загустел – ароматы цветов и листвы, сырой, болотный запах фрогов, человеческий пот, спертый пивной дух смешались в отвратительный коктейль… Девочка стала проталкиваться назад.

– Ты куда? – удивленно обернулась Эльза, но толпа в тот же миг разъединила их: желающих занять место поближе к сетке хватало.

Алиса пришла в себя только на берегу канала. Яростное солнечное око затянули густые тучи. Подул свежий ветерок, и тошнота мало-помалу отступила. Надеюсь, Эльза не очень обиделась, подумала девочка; похоже, эта кормежка – зрелище не для меня. Мимо по водной глади скользила лодка, и Алиса требовательно вскинула руку.

– Куда-куда? – квакнул лодочник, подгребая к берегу.

В этот момент Алиса сообразила, что не сможет объясниться – она не знала ни слова на языке фрогов. Возник было соблазн вернуться – но от одной только мысли о галдящей толпе её передёрнуло.

– В центр! Посольство! Понимаешь? – лодочник склонил голову на бок и вопросительно моргнул. Алиса перешагнула через борт и махнула рукой: – Туда!

…Ливень упал с небес неожиданно. До этой минуты она не предполагала, насколько яростной может оказаться здешняя стихия: казалось, кто-то обрушил на неё струю из пожарного брандспойта! Одежда вымокла в течение нескольких секунд; охнув, Алиса съёжилась на банке и прикрыла голову руками – дождь хлестал с такой силой, что трудно сделалось дышать. Плечи и спина горели. Лодка стремительно наполнялась водой. Фрог что-то неразборчиво квакнул и направил потяжелевшее судно к берегу – надо сказать, вовремя. Очутившись на мелководье, Алиса выпрыгнула из лодки, вскарабкалась на пологий берег и заметалась в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Увы – поблизости не было ни моста, ни навеса, словом, спрятаться негде – разве что… Она бросилась в переулок, разбрасывая фонтаны брызг, и взбежала на крыльцо ближайшего дома – оттуда, едва различимая за шумом ливня, доносилась музыка. Дверь была приотворена; несмело толкнув её, девочка шагнула в дом.

Здесь царил полумрак. В центре зала находился бассейн, он занимал почти половину пространства. В дальнем конце, за трехстворчатой ширмой, потрескивал камин. Гнутая, тёмного дерева мебель располагалась вдоль стен; на изящных столиках помаргивали оранжевые огни масляных светильников. Ноздри щекотал запах незнакомых благовоний. У самой воды сидели на корточках двое фрогов-музыкантов. Один играл на неком подобии скрипки, у другого был необычный инструмент, отдаленно напоминавший огромный почтовый рожок.

В бассейне, по колено в воде, исполняла медленный танец женщина-фрог – в каждой руке она держала по факелу. Немногочисленные зрители, попивая что-то из узких длинных стаканов, наблюдали за танцовщицей. Здесь были и фроги, и несколько людей. При виде Алисы один из них встал и направился к ней. Лицом он напоминал индейца: с орлиным носом и широкими скулами на загорелом лице. В тёмных глазах отражался блеск огней.

– Простите, можно я пережду у вас ливень? – попросила Алиса. – Я заблудилась…

Мужчина остановился в двух шагах, молча рассматривая её. Под пристальным взглядом девочка почувствовала себя неуютно: слишком уж бесцеремонно этот тип на неё пялился – а тоненькая, промокшая насквозь майка облепила грудь чересчур откровенно… Если бы не адский ливень, она тут же развернулась бы и ушла.

– Так можно?

– Спрашивать надо не меня, – наконец, отозвался незнакомец. – А хозяина дома.

«Индеец» кивнул в дальний угол. Там, в массивном кресле-качалке, восседал невероятно грузный фрог – он здорово смахивал на огромную, страдающую ожирением жабу. Алиса решительно шагнула вперед.

– Здравствуйте! Могу я…

Жаба в кресле разразилась длинной хриплой тирадой. «Индеец» ответил на том же языке; толстый фрог приглашающе махнул рукой.

– Можешь остаться, – сказал «индеец». – Садись с ним рядом, сейчас я принесу тебе выпить.

– Не стоит, я просто…

– Ты же не хочешь оскорбить хозяина?

– Спасибо, вы очень добры…

За соседним столиком рассмеялись. Алиса покосилась туда – но сидевшие, казалось, были поглощены игрой: перед ними стояла расчерченная на клетки доска с фигурами. Прежде чем сделать ход, игроки бросали кубик с нанесенными на грани знаками. Горбоносый скоро появился вновь и протянул Алисе высокий стакан, наполненный тёмной жидкостью. Девочка осторожно пригубила. Странный вкус: горьковатая сладость, и вроде бы не спиртное – но во рту от него холодок, словно от мятного ликера, и горло будто немеет… «Какая-то местная экзотика, – решила Алиса. – Приятно, но лучше не увлекаться: выпью половину, и хватит». Но напиток оказался более коварным, чем она предполагала: уже после двух-трех глотков в теле появилось странное чувство: она словно летела, падала куда-то... Глубока ли кроличья нора? Оно быстро усиливалось – и вскоре сделалось настолько захватывающим, что Алиса совсем перестала воспринимать окружающее, целиком сосредоточившись на своих ощущениях. Нет, странный дом, бассейн с танцовщицей и сидевший напротив толстый фрог никуда не делись – просто на месте её тела осталась тёмная, с неровными краями дыра; а она падает, падает, падает…

Мало-помалу Алиса начала приходить в себя. Обстановка вокруг радикальным образом изменилась. Ливень прекратился; да и времени, похоже, прошло немало – судя по бледным краскам заката, уже наступил вечер. Несколько часов бесследно пропали куда-то, отметила девочка, удивляясь собственному спокойствию. Все эмоции, казалось, пребывали под анастезией: она не чувствовала ни страха, ни тревоги – лишь в самой глубине сознания шевелился слабенький червячок беспокойства. Её несли… Или везли… Нет, скорее всё же несли – движение было не ровным, как у колёсного экипажа, её слегка покачивало в такт шагам носильщиков, еле слышно хлопала парусина крыши. «Значит, паланкин… Как я здесь оказалась? И куда они меня тащат?». Эти, надо сказать, в высшей степени животрепещущие вопросы никоим образом не побуждали Алису хоть что-нибудь сделать: она по-прежнему оставалась безучастным наблюдателем. Маленькое беспокойное существо в глубинах сознания всё извелось, пытаясь подтолкнуть её к решительным поступкам, но безуспешно – действие наркотика блокировало волю. Поняв тщетность попыток, маленький бесёнок сменил тактику. «Хорошо, хорошо – тебе не надо выпрыгивать из паланкина, не надо бежать… Просто посмотри направо. Для этого даже голову поворачивать необязательно, скоси глаза… Получилось? Отлично! А теперь налево… Ещё левее, ещё… Немного поверни голову, совсем чуть-чуть…». Это мало-помалу принесло плоды. Вскоре Алиса уже могла двигать руками и ногами; она была вполне уверена, что у неё получится встать – правда, о побеге не могло быть и речи, по крайней мере, пока. Носильщики-фроги, похоже, не заметили её манипуляций.

Цепкое безразличие отпускало неохотно. Она уже понимала, что вляпалась в скверную историю: вряд ли тебе подсунут наркотик, а потом уволокут незнамо куда просто ради шутки. «Отец, наверное, поднял на ноги всю местную полицию, или вот-вот это сделает… Надо сказать им, кто я такая. Не станут же они связываться с дочерью посла!».

Плавное покачивание вдруг прекратилось; носильщики перекинулись короткими фразами. Они находились в переулке: справа высилась увитая ползучими растениями стена, слева – узкий канал и опять-таки стена, уходящая прямо в воду. Прямо из густой зелени наперерез паланкину шагнули двое – молодой человек в светло-сером костюме и шляпе и женщина-фрог в длинном, до земли, расшитом орхидеями платье. Лицо дамы скрывала довольно-таки уродливая маска: гладкий пузырь с прорезями для глаз, с нанесенными в кажущемся беспорядке цветными пятнами: на определенном расстоянии они слагались в гротескную физиономию. В руках женщина сжимала что-то вроде здоровенного мачете, только клинок у него был абсолютно черный. Молодой человек улыбнулся и вытащил из кармана небольшой кремневый пистолет.

– Добрый вечер. Вас не затруднит поставить этот паланкин на землю? Замечательно, благодарю вас.

Похитители, не отрывая завороженных взглядов от черной дырочки ствола, попятились к каналу.

– Да-да, конечно, ничего не имею против. Вам явно необходимо освежиться, – долго упрашивать фрогов не пришлось: носильщики развернулись и с быстротой молнии сиганули в воду, подняв фонтаны брызг.

– Вот так-то лучше, – молодой человек спрятал оружие и подошел к паланкину. – Мисс Грей? Алиса Грей?

– Да, – сказала Алиса.

Собеседник элегантно тронул пальцами поля шляпы.

– Позвольте представиться. Меня зовут Эдуар Монтескрипт.

Глава 4. Ночь мертвецов

– Вы в безопасности, – заявил я Алисе. – Меня нанял ваш отец.

Поведение девчонки показалось мне странным. Наверное, дело в том, я уже составил о мисс Грей некоторое представление со слов её родителей. Можно было предполагать, что она окажется напуганной – или же воспримет случившееся как весёлое приключение, если у неё маловато мозгов; однако вместо этого я увидел глубочайшее, прямо-таки мистическое спокойствие. Может, это шок, мелькнуло у меня в голове; кто знает, что с ней делали… На мгновение я пожалел, что отпустил носильщиков-охранников: возможно, стоило скрутить их и допросить… Моя спутница оказалась более прозорливой. Эллори подошла вплотную к Алисе – а затем сняла маску, наклонилась к самому её лицу и понюхала. Я удивленно поднял бровь: до этой минуты мне казалось, что Скрывающие Облик не расстаются со своими личинами ни при каких обстоятельствах. Ещё я отметил, что Эллори была потрясающей красоткой – по крайней мере, любой фрог-юнец тут же впал бы в ступор при виде её огромных янтарных глаз.

– Она пила «чай созерцателей», Эдуар, – мелодичный голос Эллори вполне соответствовал её внешности.

«Чай созерцателей»… Что ж, тогда всё понятно. Я знал эту дрянь, как и полсотни других наркотиков, периодически употребляемых фрогами. Человеку, незнакомому с местными традициями, следовало быть очень осторожным в плане того, что он ест и пьёт. Многие вещества оказывали совершенно различное воздействие на представителей наших рас. Кроме того, некоторые составы употреблялись в исключительных случаях – например, во время религиозных празднеств или при исполнении шаманских ритуалов, хотя достать их было несложно. К счастью, выпитое Алисой зелье не относилось к числу очень уж опасных. «Чай созерцателей» погружал в состояние, обычно достигаемое многочасовой медитацией – причем происходило это буквально в течение нескольких минут. Её дух уже вернулся обратно, хотя и не полно-

стью… По крайней мере, я знал, что делать в таких случаях: существовало одно великолепное средство, нейтрализующее действие наркотика.

– Нам надо отвести её в ближайшую кофейню, – сказал я послушнице. – И побыстрее, пока не начался праздник.

– Мои руки должны быть свободны, – мягко напомнила Эллори, зашнуровывая маску.

Она, конечно, была права: телохранитель с занятыми руками вряд ли успеет вовремя среагировать на опасность.

– Можете идти самостоятельно? – спросил я Алису. Она с некоторым сомнением кивнула. – Обопрись о мою руку, так будет легче.

Кофейню не пришлось долго искать: спустя пару кварталов мы набрели на подходящее заведение. Пришлось немного повздорить с хозяином – он уже собирался закрываться. Наверное, некоторую роль сыграла моя напористость – а может, и здоровенное мачете за плечом Скрывающей Облик: многие относились к этой секте с опаской. Я заказал кофейник для нас с Алисой. Эллори предпочла стакан чистой воды.

– Ну вот, вижу, вы приходите в себя! – на щеках моей подопечной мало-помалу проступал румянец. – Кофеин отлично нейтрализует «чай созерцателей». Кстати, где это вас угораздило его попробовать? Зелье не из тех, что подают в каждой забегаловке…

– Меня угостили в одном доме… – она поморщилась. – Там все были какие-то… Странные…

Она принялась рассказывать.

– Похоже, вас занесло прямиком в притон! Этот город не столь уж безопасен для одинокой туристки.

– Здесь так красиво…

– О да! Амфитрита похожа на дорогую куртизанку. Она прекрасна, она манит и завораживает; но никто не догадывается, каким черным может быть её сердце…

Алиса решительно отставила кружку.

– Мне пора идти. Родители волнуются…

– Сядьте, пожалуйста. Во-первых, одну вас я больше никуда не отпущу; только вместе с Эллори…

Ей это не понравилось: глаза сердито сверкнули. Похоже, юная Грей собиралась продемонстрировать свой независимый характер.

– Ваш отец нанял меня, чтобы я обеспечивал вашу безопасность, – осадил я её. – А я, в свою очередь, нанял Эллори – с ней вы, по крайней мере, не влипнете в такую историю, как сегодня.

– Куда они меня несли?

– В бордель, – я не собирался щадить её чувства. – Вас сочли достаточно взрослой, чтобы ублажать клиентов.

– Что, вот так просто?! – она явно не хотела поверить.

– Ну да, а как вы думали – они станут спрашивать разрешения у вашей мамочки? Подонки извлекают выгоду из всего, что им встретится; на ваше мнение им, знаете ли, наплевать.

– Но если бы я сказала им, кто я такая…

– Там могло и не оказаться никого, кто говорил бы на метрополе. А среди фрогов, знаете ли, попадаются любители межвидовых связей… Обламывать строптивых девиц сутенеры умеют. К тому же, узнай они, что вы – дочь посла… Ну… Скажем так – подобное чревато для мерзавцев крупными неприятностями, так что вы могли попросту исчезнуть. Навсегда.

– Они убили бы меня?! Просто так, ни за что?

– Вполне возможно.

Это её проняло.

– Как вам удалось меня найти?

– Я хорошо заплатил своим осведомителям, – усмехнулся я. – И обещал заплатить ещё больше, если узнаю хоть что-нибудь о человеческой девушке… Ну, вскоре цикада напела мне, что в один лупанарий сегодня привезут аппетитную мордашку…

Алиса сверкнула глазами.

– Извините, передаю его слова. Дальше мне оставалось только сходить в монастырь Скрывающих Облик. Там я нанял Эллори; а потом мы с ней заняли подходящее место и устроили засаду – всё же я неплохо знаю город.

На самом деле это было не столь уж просто, но я не стал вдаваться в подробности: к чему ей знать, например, что эти сведения я выбил из одного фрога-сутенера? Да и настоятель битый час промариновал меня, изводя вопросами. Если б не имя Тыгуа, он бы вообще не стал со мной беседовать… Думаю, решающую роль сыграли даже не деньги, а статус нуждавшейся в охране персоны. Старый хитрец хотел поднять реноме своей секты, а Эллори, единственная из этой шатии, неплохо говорила на метрополе.

– Давайте поспешим, – напомнила Скрывающая Облик, когда мы вышли из кафе. – Скоро стемнеет.

– И что тогда? – поинтересовалась Алиса. – Мы не найдём дороги?

– Сегодня особенная ночь. Праздник Мёртвых.

– О, я видела однажды нечто похожее! – оживилась Грей. – Мы с родителями ездили в Мексику…

– Боюсь, здешний Праздник Мертвых не похож ни на какой другой, – перебил я. – И нам очень повезёт, если мы доберемся домой до темноты. В эту ночь может случиться… Всякое.

– Например? – я видел, что в глазах Алисы зажегся огонек любопытства. Похоже, она вполне оправилась от действия наркотика и жаждала новых приключений. Бедная Эллори, нелегко ей придется, – мысленно посочувствовал я Скрывающей Облик. Охранять такую непоседу – то ещё удовольствие.

– Как вам объяснить, в терминах Метрополии или соответственно местным представлениям? – усмехнулся я. – Если первое, то это обычный праздник – традиционный, древний, общий для большинства местных религий… Вот только ожившие мертвецы ставят адептов научного образа мысли в тупик.

– Зомби? Они что, по-настоящему мертвые?

– В том-то и дело… Они считаются величайшей загадкой этого мира – по крайней мере, для людей науки… В то время как для местных это – вполне обычное явление.

– Раз в год отворяются врата в мир мёртвых, – мелодичным голосом произнесла Эллори. – Мертвецы покидают склепы… Живым не должно быть среди усопших, и по традиции в эту ночь никто не выходит на улицу…

– Кроме колдунов и представителей некоторых религиозных сект.

И кучки идиотов, у которых смелости больше, чем мозгов, добавил я про себя. Такие сыщутся везде: безбашенные подростки и подогретые алкоголем любители острых ощущений… Как гласила молва, далеко не всем из них дано будет увидеть следующий восход. Мертвые умеют хранить свои тайны…

Мимо нас с топотом промчалась троица подростков-фрогов. Возле фонаря они остановились. Двое, постарше, повернулись лицом друг к другу и крепко взялись за руки; младший ловко вскарабкался на эту импровизированную ступеньку – и, приоткрыв на миг стеклянную дверцу, сыпанул что-то в ёмкость со светильным маслом. Пламя заколебалось, мигнуло – и сменило цвет с оранжевого на голубовато-зеленоватый, слово болотные огоньки или холодное свечение гнилушек. Ребятишки побежали дальше, к следующему фонарю.

– Они хулиганят? – с любопытством спросила Алиса.

– Ничуть не бывало. Это тоже часть традиции. В Праздник Мёртвых фонарное масло смешивают с пыльцой дерева мау-курру. Вообще, об этом должен был загодя позаботиться фонарщик; но они почему-то никогда не успевают – быть может, нарочно. У местной детворы считается хорошей приметой «красить огонь» – да и похвастать перед сверстниками будет повод.

Я скромно умолчал о том, что в детстве и сам несколько раз участвовал в таких эскападах, неизменно получая нагоняй от родителей. Как и все чадолюбивые пары, они предпочитали, чтобы накануне Праздника их отпрыск являлся домой засветло и носу не казал за дверь до утра.

– Но для чего это делается?

Я замешкался с ответом.

– В знак того, что этой ночью городские улицы не принадлежат нашему миру, – отозвалась Эллори.

Забавно: ведь мне, так же как и любому из местных, и в голову не пришло бы спросить об этом. В Праздник Мёртвых всё по-другому, таков неизменный порядок вещей на протяжении многих столетий… Все публичные заведения закрываются раньше обычного, горожане расходятся по домам, пустынные улицы с цепочками бледных огней кажутся незнакомыми и призрачными, и с наступлением темноты в город прилетают тысячи черных бабочек – к слову, в другие ночи ничего подобного не происходит… Интересно, откуда они берутся? А ведь я ни разу не задавался этим вопросом – даже в детстве, заворожено глядя на их толстенькие мохнатые тушки, тихонько бьющиеся в оконное стекло…

Мы шли скорым шагом, почти бежали – но сумерки сгущались неумолимо. Бирюзовые небеса наливались синевато-серой глубиной: Амфитрита словно бы погружалась в морскую пучину. Вскоре я понял, что с трудом могу различить черты моих спутниц. Прошло ещё несколько минут – и вдали, на окраинах города, глухо зарокотали барабаны. Праздник Мёртвых начался.

– Не успели, – констатировала Эллори. Голос её был спокойным, даже чересчур. Я прекрасно понимал состояние Скрывающей Облик: мы сейчас переступили одно из главных городских табу. Я тоже чувствовал себя не в своей тарелке – и даже юная Грей, кажется, начала потихоньку проникаться нашей тревогой. Мы находились примерно на полпути к посольству: сущие пустяки в любое другое время, кроме сегодняшней ночи.

– Передохнём, – предложил я, прислоняясь к перилам моста. – Вот что, милые дамы: до моей квартиры отсюда значительно ближе, чем до посольства Метрополии. Мисс Грей, предлагаю воспользоваться моим гостеприимством. Конечно, вашим родителям гарантирована бессонная ночь – но, поверьте, это наиболее безопасный вариант… А утром я доставлю вас домой.

– Всегда мечтала посмотреть, как живут частные детективы! – весело заявила эта нахалка. – А наше присутствие не очень скомпрометирует вас?

– Только не сегодня, – усмехнулся я. – В Праздник Мёртвых припозднившиеся гости могут рассчитывать на ночлег, хозяевам и в голову не придет отказать… Тоже одна из традиций. Ну что, вы перевели дух? Тогда идёмте.

Этот район я немного знал. Пару раз удалось срезать расстояние, проходя дворами. Впрочем, когда перед нами возник очередной канал, переплыть который было – пара пустяков, Алиса решительно запротестовала, и пришлось искать мостик.

– Вам-то что, в ваших непромокаемых одёжках, – ворчала подопечная. – А я еле успела обсохнуть!

Барабаны гудели уже по всему городу. Над призрачными огнями фонарей проносились будто бы струйки плотного дыма – стаи черных бабочек сопровождали мёртвых. Приходилось петлять, чтобы не столкнуться с теми, в чью власть были отданы улицы Амфитриты. И всё же избегнуть встречи не удалось: едва мы шагнули из чёрного, как смоль, проулка на широкий

проспект – как прямо навстречу нам вывернула процессия. Возглавлял её колдун: он был облачен в огромную багровую маску, изображавшую злобный, искаженный гримасой лик. Казалось, по мостовой шествует голова свирепого демона, отрастившая тоненькие конечности.

В руках чародея был небольшой барабан, орудие его ремесла – говорят, на такие идёт особым образом выделанная кожа фрогов. Длиннопалые ладони безостановочно отбивали ритм; колдун подпрыгивал, приседал и кружился в такт этой жуткой мелодии, копна крашеного мочала, изображавшая волосы, с сухим шелестом моталась из стороны в сторону. За ожившей маской следовали двое факельщиков – насколько я мог судить, обычных фрогов. Глаза их были завязаны, но каким-то образом они ориентировались в пространстве – по крайней мере, не спотыкались и не сбивались с пути. Факелы полыхали тем же призрачным, почти не дающим света зеленоватым «огнем мертвецов», что и уличные фонари – наверное, в горючую смолу щедро добавили пыльцы мау-курру... А следом за факельщиками вышагивали зомби. Я узнал их моментально – по особой, плавной медлительности движений, по бледной, с почти исчезнувшей пигментацией коже, по сложному, тяжелому аромату бальзамических составов, пропитавших неживые тела. Одежда мертвецов была разнообразной: кто-то носил костюм, кто-то саван, многие вовсе были в набедренных повязках – и каждого, словно экзотические украшения, усеивали десятки черных бабочек. Некоторые были величиной с ладонь…

Мне достало мгновения, чтобы охватить взглядом всю эту картину – в следующую секунду я отпрянул в спасительную темень проулка, но было поздно: колдун нас заметил. Голова демона прекратила свою пляску. Колдун сбился с ритма и замер. Кажется, я вполне реально ощутил вскипающий в нем гнев… Мертвецы тоже остановились. Их головы, словно по команде, повернулись в нашу сторону. Затянутые помутневшими мигательными перепонками глаза уставились на нас – и должен сказать, это зрелище отнюдь не добавило мне душевного равновесия… Я осторожно пятился, нашаривая в кармане пистолет. Колдун вдруг испустил долгий вой. Его ладони запрыгали по барабану; теперь мелодия была другой – тревожной и гневной. Мертвецы зашевелились, двинулись к нам – и тут навстречу им шагнула Эллори. Длинное мачете Скрывающей Облик с тихим шорохом покинуло плетеный футляр ножен – и этого оказалось достаточно. Я взял Алису за плечо и быстро отступил назад. Колдун подпрыгнул, закружился на месте, яростно встряхивая волосами-мочалом, но так и не решился нас преследовать. Спустя несколько томительных секунд он развернулся и двинулся прочь. Я перевёл дыхание и утёр пот со лба.

Мы продолжили путь, стараясь, по возможности, избегать каких бы то ни было встреч. Это оказалось не так-то просто: барабаны гремели отовсюду. Мертвецы шествовали по улицам принадлежавшего им города, мы же скрывались во тьме проулков, словно робкие ночные твари. Дважды нам пришлось прятаться в кустах, один раз – в густой кроне раскидистого дерева; к счастью, залезть туда было парой пустяков. Проходя длинной узкой аллеей (темень там стояла – хоть глаз выколи), мы услыхали странные звуки: словно огромная деревянная статуя шла нам навстречу, поскрипывая рассохшимися мослами... Прижавшись к стене и затаив дыхание, мы замерли, пережидая неведомую опасность; кажется, я даже почувствовал на щеке слабое движение воздуха…

– Что это было?! – прошептала Алиса, едва тяжелые шаги затихли вдали.

– Не знаю! Ночами в Амфитрите происходит много странного, а уж в Праздник Мертвых и подавно… Дайте мне сосредоточиться, мисс Грей. Я пытаюсь понять, как нам лучше идти.

Остаток пути выдался относительно спокойным. Мы вывернули из одного проулка, перебежали освещённый мост, нырнули в спасительную темень подворотни – и тут я шепотом выругался. Дом, где я снимал квартиру, был в двух шагах. Всего-то надо – пересечь пустынную улицу; но возле входа застыла фигура, укутанная в серые лохмотья. Зомби (я не сомневался, что это мертвец – слишком уж каменной была его неподвижность), сидел на корточках у самой двери – войти, не подвинув его, было невозможно.

– Мы почти пришли, – негромко сообщил я своим спутницам. – Но вон тот парень путает все карты.

– Что будем делать? – в голосе Алисы смешались возбуждение и страх.

Хороший вопрос… Ладно, не торчать же всю ночь в переулке, решил я.

– Попрошу его подвинуться.

Мы вышли на свет. Мертвец по-прежнему был неподвижен – а я зачем-то считал разделяющие нас шаги: пятнадцать, четырнадцать… Девять… Что делать? Может, просто попросить его уйти? Дотрагиваться до этих серых лохмотьев не хотелось категорически, но…

Я подошел вплотную и остановился. Призрачный свет ближайшего фонаря выхватывал из мозаики теней мрачную фигуру. Лицо сидящего нельзя было рассмотреть – его скрывала широкополая, сплетенная из лиан шляпа. Запахи плесени, сырой земли, мускуса щекотали мне ноздри. Черная бабочка, сидевшая на его плече, беспокойно взмахивала крыльями…

Зомби медленно поднял руку. Я услышал, как у Алисы перехватило дыхание; но в этом жесте не чувствовалось угрозы. В иссиня-бледных, сморщенных пальцах что-то было; и я протянул руку в ответ. В ладонь мне легли две увесистые монеты и клочок пергамента. Ледяное прикосновение мёртвой кожи было мимолетно, но я содрогнулся от этого ощущения – похоже, память о нем будет всплывать в самые неподходящие моменты… Мёртвый фрог неторопливо встал и двинулся прочь. Я ошарашено смотрел ему вслед.

– Что он дал вам?! – прошептала Алиса.

Эти слова вернули меня к действительности. Я быстро нашарил ключ, отпер замок – и мы, наконец, отгородились от потусторонних сил надежной и прочной дверью… Но кусочек неведомого всё же проник в мой дом. Я сам, по собственной воле, принес его сюда.

Глава 5. «Спящие лилии»

Утро было столь же чудесным, как и вчера – чего нельзя сказать о моём состоянии. Затылок побаливал, да и тело затекло от непривычной позы. Спать мне пришлось в крохотной комнатушке, обычно используемой как библиотека, мастерская и кладовка для разного хлама, на столе – согласитесь, не самое удобное место. Собственно, это было чистой условностью: как и в любом традиционном фрогском жилище, здесь имелась только одна дверь – входная; межкомнатные проемы прикрывали занавески из бус.

Единственную в квартире кровать заняла Алиса. Эллори устроилась рядом, в бассейне, чем слегка шокировала свою подопечную: ей ещё не доводилось наблюдать фрогов в их повседневной жизни. Маску-шлем Скрывающая Облик сняла и аккуратно поставила у стены; а вот мачете устроилось на потолочной балке. Телохранительница распустила обматывавший плетеные ножны шнур, так что его конец свешивался к самой воде. Я оценил её находчивость: случись что, и одного рывка будет достаточно, чтобы клинок оказался в руках; а вот постороннему добраться до оружия будет непросто – придется прыгать в бассейн.

Убедившись, что мои гостьи проснулись, я предложил им отправиться позавтракать. Алиса начала было отказываться.

– Мы пошлём в посольство гонца, пускай сообщит вашим родителям, что всё в порядке и мы скоро будем, – предложил я. – Не прощу себе, если вы с утра останетесь голодной. Что господин посол подумает о моём гостеприимстве?

– В таком случае, я закажу что-нибудь подороже! – заявила юная Грей. – Чтоб вы уж точно не мучались чувством вины.

Я усмехнулся. Девчонка явно мстила за вчерашнее – я ведь ни словом не обмолвился о содержании таинственной записки, несмотря на то, что она устроила мне форменный допрос.

– Да пожалуйста! Всё, что угодно, мисс. В любом случае, за это платит ваш отец; я включу сумму в отчет…

– Ах, вот как?!

– Ну естественно. Это законные деловые расходы – ланч с источником информации.

– Источник информации, надо полагать – я?

– Конечно. Ведь вы видели всю эту историю с кронпринцем собственными глазами…

– Так вот, господин Монтескрипт! – Алиса уперла руки в бока. – Вы ни слова от меня не услышите, покуда не расскажете, что было в той записке!

Настырная пигалица.

– Послушайте…

– Хотите получить от меня информацию? Тогда делитесь своей! – заявила эта нахалка.

– Но это не имеет к вам отношения. К тому же, не забывайте – я действую в интересах вашего отца, и помогая мне, вы тем самым помогаете ему.

– Ну хорошо… – Алиса притворно вздохнула и возвела очи горе. – Только, знаете, память – такая удивительная штука…Иногда забываешь всякие мелочи, иногда наоборот… Разные незначительные подробности, понимаете? Но они, наверное, вам неинтересны…

Я беспомощно взглянул на Эллори. Скрывающая Облик деликатно отвернулась; мне показалось, она с трудом сдерживает улыбку.

– Ладно, ваша взяла! – сдался я. – Но это и впрямь не имеет к вам никакого отношения. Там написано «Спящие лилии»… Название кладбища, только и всего. Респектабельного частного кладбища в пригороде.

– И всё? – она подозрительно посмотрела на меня.

– Ещё две монеты. Тоже ничего особенного…

– И что всё это значит?

– Полагаю, ночной гость хотел, чтобы я туда наведался, но зачем – понятия не имею, честно ответил я.

– Можно посмотреть деньги?

Я достал позеленевшие медные кругляши и протянул ей.

– Ух ты! Старинные…

– Или просто сильно окислившиеся. Кто знает, чего там намешано в бальзамические составы…

– То есть? – нахмурилась она.

– Это ритуальные монеты. С глаз мертвеца.

Алиса дёрнулась, будто в её ладонях очутилась вдруг ядовитая змея. Монеты раскатились по полу.

– Могли бы сразу предупредить! – негодующе воскликнула она.

– Ну, вы же видели – я получил их от зомби… Зачем так бурно реагировать? – я подобрал деньги и сунул в карман. – Так что, идём?

– Сперва я должна вымыть руки!

***

По дороге в кафе я отловил мальчишку-фрогги, набросал записку и сунул ему вместе с мелкой монеткой, предварительно убедившись, что юный шалопай знает, где находится посольство Метрополии. Устроившись за столиком, я откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Алису.

– Ну что же, мисс Грей, теперь ваша очередь. Я слушаю.

Рассказ Алисы практически ничем не отличался от того, что поведал мне посол. Фантастически быстрый и ловкий боец, прошедший сквозь охрану кронпринца, как нож сквозь масло – и без раздумий покончивший с собой… Это не укладывалось у меня в голове. Тыгуа утверждал, что подобное невозможно – а уж он-то был авторитетом в таких вопросах. И тем не менее…

– А теперь обещанные мелочи, – сказала Алиса. – Этот тип… Я успела разглядеть его лицо. Конечно, я могу ошибаться – но… Он был очень похож на тех… Словом, на мертвецов, которых мы видели прошлой ночью. Такой же бледный, и глаза…

– Вы уверены?

– Я же говорю, нет! Его лицо я видела всего секунду или две, а тех, вчерашних, так и вовсе в полутьме… Но что-то общее всё-таки… А, вот! Эти пятнышки на коже! У всех фрогов они четкие, а у этих почти не видны – такие выцветшие, расплывшиеся…

– Хм… Над этим стоит поразмыслить, вы правы. Что-то ещё?

– Вот… – Алиса порылась в кармане и выложила на стол обрывок холщовой ленты.

Я аккуратно расправил скомканную ткань. Да, это была первая реальная зацепка. Срезанный пулей клочок одеяния мог оказаться той нитью, размотав которую, можно добраться до сути… Впрочем, с тем же успехом она могла вести в никуда. Я внимательно разглядывал улику. Ткань, похоже, гидрофобная – но незнакомой мне выделки. На одном конце плотной ленты разлохмаченные волокна, на другом – зашитый кармашек с чем-то сыпучим, похоже, для утяжеления.

– Лакси, дай мне какой-нибудь ножик поострее! – крикнул я бармену. Получив требуемое, я аккуратно вспорол шов. На расстеленную салфетку потек ручеек красного песка.

– Ба, кого я вижу! Знаменитый Эдуар Монтескрипт за работой! – раздалось вдруг неподалёку. Мысленно чертыхнувшись, я поднял глаза.

В кафе вошли четверо фрогов в атласных голубовато-серых мундирах королевской полиции. Предводитель этой компании широко улыбался, разглядывая меня, словно гурман – редкое блюдо, к поеданию которого он вот-вот собирается приступить.

– Но самое интересное, господа – даже не персона нашего уважаемого сыщика, а компания, в которой он оказался! – продолжал говоривший, обращаясь к своим коллегам. – Может быть, объяснишь, Эд, что ты делаешь в обществе сектантки и человеческой девчонки, объявленной в розыск?

Я растянул губы в улыбке.

– Нет ничего проще. Мы как раз собирались позавтракать. Не хотите к нам присоединиться, Элисенварги?

– Боюсь, что нет, Эд. Боюсь, это вам придется присоединиться ко мне и проследовать прямехонько в участок, – он говорил со мной, но не спускал напряженного взгляда с Эллори: всё же у Скрывающих Облик довольно грозная репутация. – Вопрос в том, сделаете вы это добровольно или…

– Разве мы что-то нарушили, господин инспектор? – я приподнял бровь. – Допускаю, что отец мисс Грей обратился к вам за помощью. Но днем раньше он нанял меня для поисков его дочери – и, как видите, мои труды уже увенчались успехом… Не далее как десять минут назад я отправил в посольство мальчишку с запиской; так что мистер Грей уже в курсе. Задержите нас – будете выглядеть круглым идиотом.

– Значит, я должен поверить на слово? – улыбка Элисенварги уже не была такой довольной.

– Это в ваших же интересах. И кстати, на каком основании вы собрались задержать гражданку Метрополии? Найти – это не значит взять под стражу, верно?

– А она? – полицейский требовательно кивнул на Скрывающую Облик.

– Охранница девочки. Опять-таки, нанятая по указанию мистера Грея.

– Что он говорит? – спросила Алиса. Эллори вполголоса стала объяснять.

Один из спутников инспектора наклонился к нему и что-то зашептал – похоже, убеждал с нами не связываться.

– Ладно, будем считать, ваши объяснения меня удовлетворили, – протянул Элисенварги. Полицейские развернулись и двинулись к выходу. В дверях инспектор обернулся и с улыбочкой погрозил мне длинным пальцем.

– В этот раз ты выкрутился, Эд. Но помни – однажды ты сделаешь ошибку; а я в этот миг буду стоять за твоим плечом!

– Вы с ним не ладите, верно? – для такого вывода Алисе не надо было становиться гением проницательности.

– Как кошка с собакой, – ответил я, припомнив пословицу Метрополии. – Пару раз я обставил его ребят в сыскных делах, а газетчики, будь они неладны, раструбили об этом… С тех пор у инспектора на меня большущий зуб. Элисенварги – та ещё сволочь, если честно.

– Это грозный враг, – сказала вдруг Эллори. – Если инспектор взялся за тебя всерьёз – удивительно, что ты ещё на свободе.

Я тонко улыбнулся.

– Есть один нюанс. Полагаю, кое-кто в королевской администрации порекомендовал ему не затягивать гайки в отношении меня.

– Вы знакомы с королём?! – изумилась Алиса.

– О, нет, по крайней мере, не лично! Просто Его Величество внимательно следит за всем, что происходит в столице. Видите ли… Ещё будучи принцем, Джага I обучался в Метрополии, и как бы это сказать… Был очарован её прошлым. Не современностью, а историей; тем, что происходило в прежние времена. Он обожает эпоху черно-белого кино – роковые красавицы, мужественные сыщики, гангстеры на медлительных бензиновых авто… Поэтому и завел всё это здесь, в Амфитрите. Ну, не то чтобы завел – скорее, не стал подавлять определенные тенденции. Так что я, в некотором роде – проект Его Величества.

Как и дон Маскарпоне, добавил я про себя; причем трупы его ребята оставляют вполне реальные. Монарх всем давал равные шансы – а там уж крутись, как хочешь… Ты актер, и роль должна быть сыграна. Не сомневаюсь – этот вертеп, любимейшая из игрушек Джаги I, доставлял венценосному интригану массу удовольствий.

После завтрака мы двинулись в сторону посольства. Рикшу брать не стали: я рассудил, что спешить не имеет смысла.

– А вам хотелось бы сделать карьеру при дворе? – спросила Алиса. – Были бы личным королевским сыщиком…

– Упаси меня князья преисподней! – расхохотался я. – Не могу представить ничего хуже! Вы знаете, например, что «Мастер придворной интриги» в Амфитрите – официальный титул? Влезть в эти дела – всё равно, что отправиться в дикие джунгли, захватив с собой тросточку и носовой платок в качестве экипировки. Нет, мисс Грей, я вполне удовлетворен статусом свободного художника.

Сдав Алису с рук на руки её родителям, я отчитался перед послом за предыдущие сутки.

– Как вы намерены действовать дальше? – спросил он.

– Поговорю с капитаном и командой воздушного судна, на котором вы прибыли – думаю, они ещё в столице…

– Да, «Эксцельсиор» задержан до выяснения всех обстоятельств, – подтвердил он. – Если нужно, я надавлю по своим каналам, чтобы полиция оказывала вам содействие в этом деле…

Элисенварги будет в ярости, мысленно усмехнулся я; но поделать ничего не сможет. Прелестно!

– О, ваше предложение весьма кстати! Не думаю, конечно, что они преисполнятся рвением – но, по крайней мере, не будут вставлять палки в колеса.

– Значит, так и сделаем. Правда, это займет некоторое время – но думаю, ближе к вечеру...

– Ничего страшного. Я как раз собирался кое-что проверить, – ночная встреча не шла у меня из головы, и посещение «Спящих лилий» было первым в повестке дня.

Я собрался было уходить, однако возле самых дверей меня остановила Эллори.

– Монтескрипт, возможно, это не моё дело, – вполголоса сказала она, – но ты обратил внимание, что за нами следили?

Я прикусил губу. Это был непростительный промах – и ещё одно свидетельство того, что я не ошибся, выбрав Скрывающую Облик в телохранители Алисе.

– Проклятье! Нет, не заметил. Кто это был?

– Какой-то долговязый тип со шрамом через всю физиономию... Фрог, – уточнила она. – Вёл нас всю дорогу, причем весьма профессионально – если бы не его внешность, я не обратила бы внимания.

– Почему ты не сообщила сразу… – я осекся. В конце концов, клиентом Эллори была девчонка, а не я, с чего бы ей докладывать?

– Не могла сказать наверняка. Проверь. Может быть, этот «хвост» – только твоя проблема.

– Скорее всего, ты права… Ладно, спасибо. Береги непоседу – похоже, она так и норовит вляпаться в неприятности!

Маска скрывала черты её лица; но я был уверен, что Эллори улыбнулась.

У меня имелось чертовски хорошее предположение относительно того, кто и зачем установил за мной слежку. Немного погодя я убедился в своей правоте – применив парочку несложных трюков, чтобы засечь преследователя. Без сомнения, это был он – вчерашний мафиозо, один из подручных Маскарпоне. Тот самый мерзавец, что вырубил меня «воздушным кулаком», или чем-то вроде того – по крайней мере, я так предполагал. Слежку он вел весьма профессионально – максимально разрывал дистанцию, когда это было возможно, и сокращал расстояние в тех местах, где я мог неожиданно повернуть и скрыться из виду. Несколько раз Шрам-на-роже погружался в канал и преследовал меня вплавь – хороший способ не мозолить глаза: представители моей расы, как правило, обращают куда больше внимания на тех, кто перемещается в вертикальном положении. Если бы я не был местным уроженцем…

Удалившись на достаточное расстояние от богатых кварталов, я стал высматривать подходящее место. И – вот оно! То, что надо: тихий проулок, такой узкий, что в нём едва можно было разойтись двум пешеходам. Вжавшись спиной в кирпичную кладку, я отвел руку для удара.

Он вывернул прямо на меня. Зрачки Шрама стремительно расширились – но он так ничего и не успел сделать: я со всей силы врезал ему по носу, а потом добавил кулаком в печень и коленом в пах. Он закатил глаза и сполз вниз по стенке. Я ещё пару раз выписал ему с ноги – не столько из мести, сколько ради профилактики, после чего обыскал. Моей добычей стало несколько любопытных вещиц. Длинный нож с красивой резной рукоятью и клинком, тщательно защищенным от влаги специальным лаком, меня ничуть не удивил. Ещё Шрам-на-роже таскал герметично закрывающуюся коробочку с бурым порошком, чуть заметно отдающим парфюмом – что это такое, я не знал, но на всякий случай забрал себе, вместе с оружием. «Воздушный кулак» у этого типа тоже имелся – в специальном кармане за пазухой. Я срезал гуттаперчевый ремень, оттянул ему челюсть и затолкал набитую дробью перчатку прямо в пасть. Надеюсь, для такого как он, это не слишком тонкий намёк.

***

Слегка подправив в свою пользу сальдо мирового Зла, я вдруг ощутил легкий приступ голода. Поймав рикшу, я велел ехать к ближайшему приличному ресторану. Фрог оказался понятливым и не высадил меня возле первой же попавшейся харчевни, а честно отвез до вполне пристойного заведения – небольшого, но очень уютного. Позволив себе плотный второй завтрак (такое бывает нечасто – обычно по утрам мой аппетит оставляет желать лучшего), я решил

малость размяться и отправился дальше пешком. Амфитрита, как я уже говорил, выстроена посреди системы обширных, но неглубоких озёр. В некоторые пригороды можно попасть лишь по воде – ведь это, по сути, не что иное, как острова. Вскоре городские кварталы закончились, и передо мной раскинулась водная гладь. Возле пристани покачивались на волнах несколько лодок; но я выбрал пиасс. В отличие от лёгоньких городских шлюпок-байдарок, с их каркасом из прутьев, обтянутым просмоленной тканью, это было довольно солидное судно – по крайней мере, ему не грозило перевернуться кверху килем от любого неосторожного движения. Будучи довольно широким в низкой центральной части, пиасс имел вытянутые нос и корму, круто загибающиеся друг навстречу другу и принайтовленные к короткой центральной мачте – так что конструкция в целом сильно смахивала на полумесяц. От мачты справа и слева отходило несколько тонких рей, соединенных парусом-перепонкой: раскрывая и складывая этот веер, лодочник управлял движением судна.

Под ногами, как водится, было мокровато: фроги редко утруждают себя вычерпыванием воды. Им она не мешает, даже наоборот, а удобства иммигрантов городских перевозчиков заботят мало. Немного поторговавшись со шкипером, я решительно прошлепал на нос и уселся по-турецки среди груды каких-то тюков – не знаю уж, что там было, но на ощупь оно оказалось довольно мягким. Шкип тут же принялся ворчать и ругаться на матросов. Их было двое: заторможенный верзила с мечтательным взглядом и постоянно хихикающий коротышка. Я про себя обозвал эту парочку Пат и Паташон. Живописности их лохмотьев позавидовал бы любой пират. У меня создалось впечатление, что оба фрога пребывают под действием наркоты – по крайней мере, команды шкипера исполнялись далеко не сразу и в весьма вольной интерпретации. Наконец, пиасс отвалил от пристани под аккомпанемент проклятий. Я откинулся на тюки и прикрыл глаза.

Рассказ Алисы не шел у меня из головы. Разумеется, девчонка могла ошибаться: собственно, и террориста на «Эксцельсиоре», и вчерашних мертвецов она видела лишь мельком. Но всё же – сходство меж ними оказалось достаточным, чтобы обратить на это внимание. Мёртвые… Мёртвые редко вмешиваются в дела живых. Да, зомби у нас обладают гражданскими правами; но это граждане особого сорта. Они не хуже и не лучше живых… Они просто *есть*. Любой малыш-фрогги знает об этом; некоторые семьи имеют покойных родственников, не ушедших из этого мира окончательно; они как-то общаются… Зачем? Хм… Я вдруг осознал, что негласное табу на обсуждение подобных вопросов в полной мере коснулось и меня. Ну хорошо, а что же всё-таки известно? Зомби избегают живых. Они малоподвижны, молчаливы и таинственны – как и положено потусторонним силам… И в то же время исподволь влияют на городскую жизнь – не действиями, нет, одним лишь своим существованием. Они… Приглядывают за нами? Пожалуй, да – в определенном смысле. Мы ходим по городу, выстроенному их руками, беспечно играем под сенью их былой славы и величия – и раз в год они возвращаются, чтобы не дать нам позабыть об этом. Нам, горожанам; что тогда говорить об обитателях болот? О тех, кто живет на огромных, раскинувшихся на тысячи миль территориях, формально принадлежащих Его Величеству, на деле же не управляемых никем и ничем, кроме древних обычаев и традиций? Ведь говоря по совести, власть Джаги I сильна только в Амфитрите и нескольких крупных городах, здесь средоточие всего лучшего, что есть в королевстве… Додумать эту важную мысль не удалось.

– Засранцы! Обдолбыши! Да будет проклят тот день, когда я взял вас обоих на борт! Убери весло, тебе говорят, ходячее недоразумение! Положи его, откуда взял! – разгневанные вопли шкипера оторвали меня от раздумий. Я с неудовольствием открыл глаза.

– Что за шум, а драки нету?

– Сейчас будет! – возопил шкипер. – Я откручу кому-то его проклятую пустую башку! Этот болван чуть не посадил нас на мель – а ведь мы ходим здесь ежедневно! Запомнить фарватер проще простого!

– Кстати о фарватере… – густо заросший зеленью берег был всего в нескольких метрах от нас. – Почему бы вам не высадить меня здесь?

– Не положено! – отрубил шкипер. – В «Спящие лилии» можно попасть только из гавани; по-другому никак.

Вот это и есть то, о чем я говорил: традиции. Их чтут все, от мала до велика.

Мы обогнули лесистый мыс, и взгляду открылась гавань. Вход в обитель мертвых перегораживала изящная кованая решетка – покрытые ржавчиной прутья уходили прямо в воду. Похоже, лак время от времени подновляли – но атмосфера запустения царила здесь повсюду… Весьма стильная атмосфера, смею заметить: решетку кое-где увивали лианы, на мелководье раскинулись широченные листья местных водяных растений, чем-то напоминающие Victoria Regia. Вывеска «Спящие лилии» над воротами почти осыпалась, но прочесть название ещё было можно. И – цветы, цветы, как и везде в Амфитрите: на деревьях, на лианах, в воде и даже под водой… Наверное, именно они очаровывают легковерных туристов – меж тем как за красивым фасадом прячутся всё те же старые язвы, что и в других больших городах: преступность, пороки и одиночество…

Погруженный в размышления, я дождался, покуда пиасс пройдет под аркой ворот, и соскочил на доски пристани… То есть, почти соскочил: как раз в этот момент Пату и Паташону пришло в голову произвести некий маневр с парусом, и судно слегка развернулось. Стремясь сохранить равновесие, я взмахнул руками – и теплые воды гавани приняли меня в свои объятия. Когда я вынырнул на поверхность, пиасс уже находился в нескольких метрах – и продолжал удаляться. Шкипер ругался, но как-то вяло, больше для порядка: что ему случайный пассажир! Тяжело вздохнув, я вылез на причал, подождал, покуда стечет вода – и двинулся вперёд. Идти пришлось недолго: вскоре сквозь увитые ползучими растениями ветви деревьев передо мной проступили стены приземистого строения. Как и большинство городских зданий, оно было выстроено из буро-красного кирпича, причем лет эдак двести назад, если судить по густо заросшим лишайниками стенам. Я даже решил, что вижу руины, но нет: стоило подойти ближе, и сделалось понятно, что за домом ухаживают. Дверь была свежеокрашенна, выросшие возле самых стен шипастые кусты – аккуратно подстрижены. Я постучал – сперва деликатно, затем настойчиво. Никакого отклика. Тишина. Лишь чуть слышно шуршит ветер в кронах деревьев да покачиваются изъеденные гусеницами листья плюща. Колотить со всей мочи и ломиться в эту грустную обитель мне почему-то очень не хотелось. Я был здесь лишним. Думаю, любой на моем месте чувствовал бы себя так же. Кому придет в голову буянить на кладбище?

Неприметное окошко в двери распахнулось внезапно. Я вздрогнул. Какого черта? Внутри царила темень. Поразмыслив немного, я вытащил из кармана монеты и обрывок пергамента, полученные у давешнего мертвеца, и осторожно просунул его в окошко – ничего лучше я придумать не мог. Казалось, прошла целая вечность – и вот, наконец, дверь медленно приоткрылась. Я не слышал ни лязга засовов, ни скрипа петель: ещё одно свидетельство того, что за этим местом присматривают. Поколебавшись немного, я шагнул во тьму.

– Идите за мной! – шепот был еле различимым – но, безусловно, сердитым. Впереди затеплился фонарь. Впрочем, «затеплился» – не самое подходящее слово. Пламя было зеленоватым, призрачным – как и положено фонарю, в масло которого добавили щепотку пыльцы мау-курру. Я по-прежнему не различал окружающего; лишь смутный силуэт впереди. Под ногами шуршало и похрустывало – то ли сухие листья, то ли косточки каких-то мелких тварей. Было холодно. Внезапно мой провожатый остановился и обернулся, сердито уставившись на меня янтарными глазами. Черная хламида распахнулась на впалой груди. Скудного света хватило, чтобы понять, кого я вижу перед собой. Колдун. Час от часу не легче…

Фрогские колдуны – или шаманы, или унганы, в зависимости от вашей начитанности и пристрастий, представляют у нас совершенно особую касту. Не стоит путать их со жрецами, священниками и прочими религиозными деятелями. К вере они не имеют отношения. Строго

говоря, колдун – это профессия; просто, в отличие от лодочников или портных, они по роду своих занятий имеют дело со сверхъестественным. С живыми мертвецами, например. Узнать колдуна довольно просто: помимо того, что эти ребята всячески подчеркивают собственную значимость, грудь и живот у них, там, где кожная пигментация светлее, покрывают татуировки. Как правило, это гротескное изображение оскаленной демонической хари, словно бы сплетенное из разноцветных лент. Мой отец одно время очень увлекался тату колдунов: тайком зарисовывал их, фотографировал, пытался даже расспрашивать обладателей – за что периодически бывал изруган, и даже пару раз бит. Мало кто столь же ревностно печется о сохранении цеховых тайн, как эти ребята… И вот один из них буравит меня возмущенным взглядом.

– Я был против того, чтобы приглашать вас! – прошипел фрог. – Но они настояли. Говорят, что вы лучший!

Я не стал переспрашивать, кто такие «они». Забавно: оказывается, моя репутация известна даже зомби.

– Так в чем же дело?

– Они сами скажут вам! – клокоча от возмущения, колдун развернулся и двинулся вглубь дома. Я ухмыльнулся. Парень явно считал, что я залез на его территорию, но сделать ничего не мог: похоже, кое-кто тут обладал достаточным авторитетом, чтобы заткнуть чванливого колдунишку за пояс. Любопытно…

Мы прошли темным коридором, и провожатый толкнул дверь. Здесь было светлее: солнечные лучи проникали сквозь густую зелень вьющихся растений, затягивающую оконные проёмы. Интерьер был типичен для жилищ фрогов: неглубокий бассейн в центре комнаты, занимающий примерно половину всего пространства, легкая гнутая мебель у стен. Воды в бассейне не было, там валялись засохшие листья и сколотый кафель. За столом в дальнем конце зала восседала одинокая фигура. Я узнал моего ночного гостя сразу – не только по каменной неподвижности позы, но и по одежде. Он так и не удосужился снять свою сплетённую из лиан шляпу. Засохшие листья свисали на лицо зомби; ветхий серый саван покрывали пятна плесени. Я уселся напротив, откровенно рассматривая его. Молчание затягивалось. Похоже, в эту игру мне не выиграть: в конце концов, у него было куда больше времени в запасе. Целая вечность.

– Итак, вы звали, и вот я здесь. Чем обязан?

Он медленно поднял голову – и я встретил в упор пыльный взор мертвеца.

Глава 6. Пляски на костях

Скандал в благородном семействе разгорался. Уши и щеки Алисы горели – не столько из-за чувства вины, сколько от возмущения. Причиной последнего стал запрет покидать здание посольства – запрет, который она намеревалась нарушить в ближайшие четверть часа.

– …Да пойми же ты – это чужой мир! Чужой! Неужели тебе мало вчерашнего?!

– Но ведь всё закончилось хорошо… – попыталась было вставить Алиса.

Посол Грей раздраженно тряхнул шевелюрой.

– Единственно по той причине, что я озаботился твоей безопасностью! Мне страшно подумать, что бы с тобой было, если бы не…

– Ну, вот что! – Алиса вскочила, сверкнув глазами. – Я не собираюсь сидеть запертой в четырех стенах! Пойми, это глупо – придумывать мне какие-то идиотские наказания и пытаться ограничить мою свободу! Я уже не маленькая девочка! Что касается безопасности… – тут Алиса кивнула на Эллори. – В конце концов, у меня есть телохранительница!

Скрывающая Облик безучастно стояла возле дверей – похожая в своей маске и расшитом цветами платье на огромную экзотическую куклу.

– Да, есть! И я поручу ей не выпускать тебя за пределы этого дома, если придется!

– Прошу прощения, сэр, – бесстрастно молвила Эллори. – Если таково будет ваше повеление, я его выполню…

Алиса задохнулась от возмущения.

– …Но я куда лучше обеспечу безопасность вашей дочери, будучи её тенью, а не тюремщицей.

Посол, уже набравший в грудь воздуха для следующей тирады, несколько мгновений осмысливал услышанное.

– Она права, папа. Я ведь всё равно найду способ ускользнуть из-под надзора, – спокойно молвила девочка. – Ты даже не представляешь, сколько раз я уже проделывала подобное в колледже… Давай договоримся так: я хожу, где хочу и когда хочу – днём; а вечером возвращаюсь домой. И все остаются довольны…

– О, господи! Да делай ты, что хочешь! – Грей вдруг схватился за голову. – Только этих проблем мне не хватало для полного счастья…

– А ты правда стерегла бы меня здесь? – полюбопытствовала девочка, когда они остались одни. Эллори кивнула.

– Естественно. Ведь платит-то мне твой отец.

– И что, ходила бы за мной след в след? А если бы я заперлась в комнате, а потом сбежала бы через окно? Что бы ты сделала?

– Возможны варианты… Мне уже доводилось иметь дело с непоседливыми детьми.

– Я не ребенок!

– Да, ты подросток. Это сложнее, – согласилась Эллори. – Поэтому я и подсказала господину послу оптимальный вариант.

– Значит, я могу идти, куда захочу?

– Естественно.

– Хорошо… – девочка пытливо уставилась в прорези маски. – В таком случае, мы отправляемся на кладбище «Спящие лилии»!

– Могу я спросить, зачем?

– Ещё не знаю точно. Но думаю, мы будем там выслеживать и вынюхивать. Потому что за расследование взялась Алиса Грей! – тут Алиса ухмыльнулась как можно более цинично. Если этот детективчик воображает, будто отделался от неё, его ждет небольшое разочарование! Заодно проверим, правду ли он сказал… – Ты знаешь, где это?

– Знаю. Довольно далеко отсюда.

– Тогда вперед!

***

– Значит, раньше ты стерегла детей? – спросила Алиса, когда они вышли на улицу. – И чьи они были?

– Это неважно… Нам нельзя обсуждать персоны наших клиентов с кем бы то ни было, – мягко ответила Эллори. – Профессиональная этика.

– Ну-у… – разочарованно протянула девочка.

– Зато можешь быть уверена, что и твои тайны не пойдут дальше меня, – резонно заметила собеседница. – Почему-то все охочие до чужих секретов забывают, что и ими могут интересоваться.

– Ну, раз так, то ладно… А про тебя и твою религию я могу спрашивать? Или это тоже табу?

– Нет, отчего же. Спрашивай…

– Скажи, а эта твоя маска – она не мешает? Всё-таки обзор в ней гораздо хуже…

– Мы многие годы обучаемся жить с этой вещью, – пожала плечами Эллори. – Это не просто маска; это ещё и шлем – лёгкий, но очень прочный. Конечно, он не выдержит прямого удара мачете, но от скользящего защитит. К тому же, здесь имеется пара отверстий по бокам; а

внутри маски закреплены зеркальца. Так что я могу наблюдать происходящее за моей спиной – а это немаловажно. Да и драться я привыкла именно в ней.

Пальцы Эллори коснулись деревянной рукояти мачете. Та была слишком широкой для человеческой руки – кисть у фрога длиннее. Алиса уже знала, что оружие её защитницы передается в семье из поколения в поколение, как реликвия. У Эллори имелась целая косметичка, или как там это называется, заполненная различными средствами по уходу за раритетом. Грубые и мелкие точильные камни, пахучие масла, лак, защищающий широкий клинок от влаги, палочки бесцветного воска для полировки рукояти и черного – для покрытия режущей кромки после быстрой подточки… Девочка не была уверена, что правильно запомнила назначение всех этих баночек и флакончиков. Вот морока, должно быть – и как ей не надоест…

– А почему вы скрываете своё лицо? – полюбопытствовала Алиса.

– Маска не для того, чтобы прятаться за ней. Мы никогда не называли себя Скрывающими Облик – это прозвище дали нам городские пустозвоны.

– Тогда для чего вы её носите?

– Чтобы показать миру, каким ты стремишься стать... Ты ведь знаешь, что узоры нашей кожи уникальны? Рисунок на маске повторяет лик святого Эваси, великого воина, мудреца и пророка.

– А, так это он основал вашу секту?

– Нет, четверо его… – телохранительница на мгновение замялась, подбирая слово.

– Учеников?

– Скорее, последователей. Эваси не был наставником в привычном смысле этого слова. Он просто ближе, чем другие фроги, подошел к тому, что называют Совершенством.

– А почему вас не любят власти?

– Мы оказались в немилости после событий Трёх Дней. Ты ведь слышала о восстании?

Алиса нахмурила брови.

– Да, что-то такое… Но ведь это было уже давно?

– Шесть лет назад. Тогда наши лидеры обладали влиянием и активно вмешивались в политику… Они поставили против нынешнего монарха – и проиграли. А Джага I не из тех, кто склонен прощать своих врагов.

Тут Алиса припомнила, что говорил отец о короле. «Прогрессивный» – назвал его кто-то. «Слишком прогрессивный, – с некоторой досадой в голосе отозвался посол Грей. – Никто и вообразить не мог, насколько».

– А из-за чего всё началось?

– У нашего короля был дядя, он… Ну, эта должность у вас называется регент. Фактически, он правил страной. Большой ревнитель традиций и приверженец изоляционизма – что, конечно же, не нравилось Метрополии. Его Высочество принц Джага казался вашим политикам идеальным кандидатом: недавно достигший возраста коронации, получивший университетское образование в вашем мире – к тому же, он терпеть не мог своего авторитарного дядюшку… Пикантность ситуации заключалась в том, что монархом должен был стать один из его двоюродных братьев. Ну, по крайней мере теоретически. Видишь ли, вопросы престолонаследия у нас весьма неоднозначны. Зачастую коронуют того, кто лучше поднаторел в интригах или имеет больший политический вес. Метрополия активно поддерживала молодого и амбициозного принца. Никто не ожидал, что юный Джага будет действовать столь быстро и решительно. Он каким-то образом заручился поддержкой влиятельнейших людей Королевства, армейских и флотских военачальников, и…

– Поднял восстание?

– Ну, официально он сверг тирана и узурпатора и подавил бунт, – усмехнулась Эллори. – Регенту и парочке его советников, Мастеров придворной интриги, отрубили головы на базарной площади. Кронпринц был сослан в отдаленную провинцию, а Джага короновался. Однако

ваши политики просчитались: вместо послушной марионетки они получили… Как это у вас говорят… Большой геморрой.

Алиса хмыкнула. Эту часть истории она знала довольно хорошо – личность Его Величества не раз обсуждалась в её присутствии. Джага I оказался не только тираном, не только великим интриганом, шутя заткнувшим за пояс поднаторевших в этом искусстве придворных – но и непревзойдённым крючкотвором. Зная назубок юриспруденцию Метрополии и комплекс законов, относящихся к генераторным перемещениям, он в кратчайшие сроки добился – для целого мира! – статуса курортного; тем самым оставив с носом монополии, точившие зубы на здешние недра. Компаниям же, специализирующимся на туристическом бизнесе, была нанесена весьма крепкая плюха в виде драконовских налогов и протекционистской политики в отношении собственных подданных. Получить местное гражданство отныне стало весьма выгодным делом… И оставалось таковым, покуда вы жили здесь, не помышляя о вывозе своих капиталов за пределы страны. Даже закон о научно-техническом эмбарго, этот вечный кнут-и-пряник для технологически отсталых миров, казалось, не слишком беспокоил Джагу I. Он не жаждал новинок, напротив – монарх оказался ревностным поклонником старого доброго ретро…

Так, беседуя, они брели вдоль канала. Первоначальное намерение Алисы взять рикшу исчезло: грех куда-то спешить, вместо того чтобы наслаждаться этими тенистыми улицами, утопающими в цветах зданиями, отделанными мозаикой набережными и фонтанами… Эллори приобрела у мальчишки-торговца кулек каких-то соленых хрустящих штучек и предложила Алисе; та рассеянно взяла горстку и принялась жевать. Оказалось довольно вкусно.

– Это вяленая рыба? Или что-то растительное? – поинтересовалась она спустя некоторое время.

– Ни то, ни другое. Сушеные комары, – ответила телохранительница.

– Комары?! – Алиса поперхнулась и удосужилась рассмотреть «рыбку» повнимательней. Это действительно были насекомые – но живыми, наверное, они достигали длины в палец!

– Не беспокойся, их едят не только фроги, но и люди. Многим нравится, – ответила Скрывающая Облик, ловко закидывая лакомство в прорезь маски.

На пристани Эллори взяла в аренду легкий и верткий челнок. Алиса устроилась на носу, телохранительница с длинным веслом встала на корме – и лодочка отправилась в путешествие по ленивым озерным волнам.

– Видишь? Вот он, наш остров, – сообщила Скрывающая Облик спустя некоторое время. – Мы можем причалить к пристани – вообще-то, так положено делать; или…

– Выбираю «или»! – выпалила Алиса. – Мы же здесь вроде как не вполне официально, то есть без приглашения…

– Тогда нам придется поискать место высадки. Берега тут болотистые…

Подходящее место, впрочем, нашлось почти сразу. Эллори завела челнок под сень густой листвы, легко соскочила на берег и помогла выбраться Алисе. Полегчавший челнок общими усилиями втащили на берег. Алиса выпрямилась – и в этот момент где-то в глубине острова раскатисто грохнул выстрел.

– Скажи, это нормально – охотиться в таком месте? – удивленно спросила девочка.

– Нет, это совершенно ненормально! – маска с изображением лика святого Эваси тревожно качнулась. – Никто не смеет тревожить покой мертвых! Думаю, нам стоит убраться отсюда как можно скорее.

– Ну уж нет! – и Алиса, решительно раздвинув упругие стебли трав, двинулась в сторону звука – стараясь, однако, не шуметь и соблюдать некоторую осторожность.

***

– Значит, протезист… – пробормотал я. – Любопытно… Не знал, что вам нужно хоть что-нибудь от живых.

– Ничего не нужно лишь тем, кто ушел окончательно, – зомби говорил едва слышным шепотом. От этого голоса делалось не по себе – да и обстановка, надо сказать, не слишком располагала к душевной беседе… Но дело есть дело.

– Насколько я понимаю, этим ремеслом промышлял не он один. Почему бы вам просто не найти другого мастера?

Мертвец впервые за время нашей беседы шевельнулся. Должно быть, это означало, что я ляпнул нечто на редкость бестактное.

– Он – лучший. Он единственный мастер такого уровня. Протезы для мертвых – очень специфичная вещь, господин Монтескрипт… Особенно протезы суставов. Усилия сжатия и растяжения должны быть выверены индивидуально для каждого – и с необычайной точностью. Это настоящее искусство, и в его роду оно передается из поколения в поколение. Не одну сотню лет семья Ипселл сотрудничает со «Спящими лилиями».

Зомби умолк. Похоже, он пытался донести до меня какую-то мысль, вот только говорить прямо ему мешали некие условности. Не одну сотню лет… Очень интересно. Что ж, они, безусловно, заинтересованы найти пропавшего – ведь тот, кто чинит неспособные к самовосстановлению тела, латает кожу, ремонтирует суставы… Такой мастер, да ещё потомственный – настоящая находка для зомби! Хм… Находка. А что, если он просто сменил клиентуру? Получил выгодное предложение? Да, «Спящие лилии» считались фешенебельным кладбищем, но судя по тому, что я увидел, это заведение переживало сейчас не лучшие времена.

– Говорите, последний раз вы наведались к нему накануне Праздника Мертвых?

– Верно. Только мне никто не открыл, – угрюмо заявил колдун.

– И вы сразу же забили тревогу. Почему?

– Мы стараемся быть деликатными, – прошелестел зомби. – Ибо ценим то же качество по отношению к нам. Но мы хорошо знаем мастера Ипселла. Был уговор.

– Может, его попросту сманили ваши, скажем так, конкуренты? – всё-таки у нас, в Амфитрите, подобные кладбища – в первую очередь коммерческие предприятия, нечто вроде пансионата для ушедших из жизни… «Не до конца».

– Такое невозможно! – рявкнул колдун. Этот тип здорово действовал мне на нервы: он не убрался прочь, как я рассчитывал, а остался торчать возле дверей, сверля меня сумрачным взглядом. – Традиции не позволяют подобного!

– Серьёзный аргумент. Но что-то подсказывает мне: там, где замешаны деньги, традиции часто отходят на второй план.

Он сердито засопел.

– Возможно, вы правы, – прошептал зомби. – Мы хотим, чтобы вы разнюхали это. Мы хотим знать, где он сейчас.

– Что ж, понятно. Есть одно препятствие: в настоящий момент я уже работаю над неким делом. Возможно, по его завершении…

– Мы не можем ждать! – в голосе колдуна послышалась ярость: подумать только, кто-то имеет наглость полагать, будто его дела важнее! – Проклятье, если вы не согласитесь, мы обратимся к кому-нибудь другому!

– Ваше право… – я пожал плечами и встал. – Разумеется, вся эта беседа останется между нами.

– Господин Монтескрипт, сядьте. Мы хотим, чтобы дело вели именно вы. Сколько времени вам потребуется? – похоже, колдунишка и впрямь был здесь не самым главным.

В шепоте зомби я услыхал стальные нотки. Интересно, кем же он был при жизни… И кто он сейчас, в местной иерархии? Заплесневелые лохмотья вроде бы не свидетельствовали о высоком статусе… Впрочем, что я об этом знаю?

– Не могу сказать ничего определенного. Но мне заплатили, и работа должна быть выполнена, – последняя фраза содержала тонкий намек. Зомби понял – и молча повернулся к кол-

дуну. Тот приблизился и хлопнул на стол пачку купюр, всем своим видом выказывая неодобрение происходящему.

Я пересчитал деньги. Ого! Крупная сумма. Весьма. Достаточно крупная, чтобы сподвигнуть меня на параллельное расследование… Откровенно говоря, посольство Метрополии заплатило меньше. А ведь дельце не из самых сложных – на первый взгляд. Хм-м… Что там говорит земная пословица о сыре и мышеловке? Я задумчиво смотрел на этих двоих. Сердце чуяло некий подвох.

– Давайте-ка ещё раз. От меня требуется только найти господина Ипселла? Никаких уговоров, никакого принуждения – только сообщить вам его местонахождение?

– Верно.

Я отсчитал несколько купюр.

– Эти деньги я беру под отчет. Доложу… Ну, скажем, через пару дней. Посмотрим, что здесь можно сделать. Идёт?

– Договорились, – прошелестел зомби.

– В таком случае, господа, позвольте откла…

Откланяться я так и не успел. Оконное стекло со страшным грохотом лопнуло, а стена над моей головой взорвалась фонтаном щепок. Мгновение спустя разлетелись на куски ещё два окна. Тёмные фигуры запрыгнули внутрь. Я выхватил пистолет, навел его на ближайшего из нападавших, одновременно взводя курок, и нажал на спуск. Всё это было проделано одним быстрым и плавным движением – в точности, как учил нас Тыгуа. Наставник мог бы мною гордиться. Только вот проклятая штуковина не выстрелила. Ну естественно! Не далее как четверть часа назад я окунулся с головой по вине парочки придурков, и порох, естественно, подмок… Ненавижу кремневые пистолеты.

По счастью, у них был только один ствол – и стрелявший уже разрядил его. Ума не приложу, как он умудрился промахнуться с такого расстояния, но факт остаётся фактом. Я запустил бесполезным пистолетом в лоб мазиле. К несчастью, ему пришла в голову та же идея. Он вновь промахнулся, но и мой бросок не достиг цели. Гнусно ухмыльнувшись, негодяй вытащил нож и, зловеще поигрывая им, направился ко мне. Я быстро отступил, нащупывая клинок, отобранный у Шрама-на-роже. При виде длинного лакированного лезвия улыбка мерзавца сделалась не столь уверенной.

Колдун не остался в стороне: похоже, он только и ждал возможности излить на кого-нибудь копившийся гнев. Парень начал с того, что взмыл в воздух и от души впечатал ноги в физиономию ближайшего фрога. Бедолага лишился возможности наслаждаться нашим обществом, покинув комнату тем же путем, что и зашел – через окно. Последний из нападавших вихрем налетел на колдуна и принялся выколачивать из него пыль. Тот не остался в долгу. Кулаки так и мелькали…

Я едва не пропустил выпад. Ответным движением удалось слегка зацепить противника – впрочем, рана явно не была серьёзной. Мы танцевали на краю пустого бассейна, стараясь подгадать момент. Я только теперь обратил внимание, что физиономия моего врага была густо вымазана какой-то черной дрянью, вроде гуталина. Обычный трюк местных злодеев: любого фрога легко опознать по уникальному пигментному рисунку. Похоже, махать клинком этому типу было не впервой. Как правило, ножевые схватки длятся всего несколько секунд, до первой ошибки одного из участников, но тут дело затягивалось: мы оба осторожничали, действуя на пределе дистанции. В школе Тыгуа учеников заставляли орудовать тяжелыми, выструганными из твердого дерева макетами ножей – единожды пропустив удар такой штукой, неофит становился крайне осмотрительным. Клинок моего противника был немного больше, но он держал его так, как держат топор или мачете – зажав в кулаке. Я же упирал торец рукояти в ладонь, словно отвертку – помимо прочего, это давало возможность сравняться в длине оружия. Обычно фрогские рукояти неудобны людям – но эта была в самый раз, к тому же, глубокие

резные узоры не позволяли пальцам соскользнуть на лезвие. Вспомнив один подлый трюк, я на миг соединил руки, словно хотел перекинуть нож из ладони в ладонь – и сделал ложный выпад. Пустая рука метнулась фрогу в глаза, а вооруженная пошла чуть ниже, на уровне груди. Он попытался защититься от несуществующей угрозы – и заработал дырку в предплечье. Стремясь развить успех, я сделал глубокий выпад… И поскользнувшись на осколке кафеля, рухнул в пустой бассейн.

Локоть пронзила адская боль. Нож вылетел из ослабевших пальцев. Взгляд моего врага полыхнул торжеством. Он подобрался, готовясь обрушиться сверху и пригвоздить меня к полу. Что-то твердое упиралось мне в бок – и скорее машинально, чем осознанно, я схватил этот предмет и запустил им в нападавшего. Мой второй трофей, коробочка с порошком, стукнула его по носу. От удара крышка отскочила, и голову негодяя окутало бурое облако. Прыжка так и не получилось: он оглушительно чихнул и сел, тараща на меня враз покрасневшие глаза.

– Ты зачем это сделал? – глуповато спросил фрог. Я нащупал нож и поднялся на ноги. Со стороны колдуна послышался торжествующий вопль. Затрещали остатки рамы, и второй из незваных гостей покинул дом тем же путем, что и первый. Это решило дело. Мой противник, слегка пошатываясь, отступил к окну – и, неуклюже перевалившись через подоконник, исчез из виду. Я слышал, как негодяи с проклятиями продираются сквозь растительность – но благоразумно отказался от преследования. Достаточно было вспомнить, какими шипами оснащен разросшийся вокруг дома кустарник…

– Весело у вас тут, – едко заметил я мертвецу. – Кто бы мог подумать!

На драку зомби взирал с олимпийским спокойствием. Он, по-моему, даже не шевельнулся. Запыхавшийся колдун прорычал нечто оскорбительное. Я не стал особо вникать.

– Ну, так какого дьявола?! О чем вы двое умолчали, а?! Почему, стоило мне появиться здесь, и какие-то ублюдки тут же попытались меня прирезать?!

– Да как ты смеешь! – возопил колдун, потрясая кулаками. – Какая неслыханная наглость – обвинять во всём нас! Ты, урод бледнокожий…

– Мы здесь ни при чем, господин Монтескрипт, – прошептал зомби. – Эти фроги, судя по всему, явились по вашу голову.

Я злобно уставился на него, готовый возразить – но… Возможно, он был прав. Стрелявший целился в меня, да и пырнуть пытался не абы кого из присутствующих… Я подобрал пистолет негодяя, внимательно его осмотрел. Старая дрянная пушка, гладкоствольная, похоже, кустарного производства, ничего примечательного.

– Чем это вы швырнули в мерзавца? – полюбопытствовал вдруг зомби.

Я пожал плечами.

– Даже не знаю. Какая-то дрянь, завалялась у меня случайно…

Колдун принюхался, подошел поближе, хмыкнул, присел на корточки и провел пальцем по полу, собирая остатки бурой пыли.

– Да вы богатей, оказывается! – саркастически заметил он. – Удивляюсь, как вы вообще согласились что-то делать за предложенные деньги: для вас это жалкие гроши, не иначе!

– О чем это вы? – я уже знал, что ответ мне не понравится…

– Твист, господин Монтескрипт. Это твист. Наркотик. Очень редкий – и очень, очень дорогой.

– Никогда о таком не слышал.

– Вы только что смешали с грязью… Дайте-ка подумать… Ну, примерно двухгодовой бюджет «Спящих лилий».

Глава 7. Эдуар Монтескрипт ведёт расследование

Алиса не успела сделать и пары шагов, как ладонь Эллори зажала ей рот, а сама телохранительница ловко подсекла девочку под колени и навалилась сверху. Алиса принялась яростно извиваться, но Скрывающая Облик ни на миг не ослабляла хватку.

– Тихо! – прошептала она. – Хочешь, чтобы я тебя усыпила?! Я могу!

Алиса прекратила сопротивление, и вывернув шею, ожгла телохранительницу возмущенным взглядом.

– Ты чего делаешь?!

– Свою работу, вот чего!

– Слезь с меня сейчас же!

– А ты обещаешь не вставать? Алиса, пойми – мне действительно легче немножко тебя придушить, погрузить в лодку и вывезти отсюда в безопасное место!

– Ты психованная! Ой… Ну ладно, хорошо – обещаю!

– Ты видела когда-нибудь вблизи пулевое ранение? А как стреляют на звук – со страху или просто на всякий случай, видела?

Алиса угрюмо молчала. Эллори легла рядом и замерла, вслушиваясь.

– Похоже, там драка, – спустя некоторое время сказала телохранительница.

– Я ничего не слышу…

– У нас слух острее.

– Монтескрипт! Надо ему помочь! – Алиса дернулась было встать, но Эллори была начеку.

– Лежи, я кому сказала! Он уже большой мальчик и может сам о себе позаботиться.

– Но…

– Тс-с! Тихо!

– У меня майка промокла. Здесь сыро.

– Терпи.

Алиса обиженно засопела.

– Кто-то приближается. Не звука! – предупредила Эллори спустя некоторое время.

Девочка замерла. Действительно: там, в зарослях, что-то шуршало. Судя по всему, неведомые личности мало заботились о скрытности: они ломились напрямик, пыхтя и издавая короткие восклицания, интонациями сильно напоминавшие проклятия. Телохранительница вся подобралась и тихонько потянула из ножен мачете. Алиса на несколько мгновений перестала дышать: ветви кустов содрогнулись не далее как в пяти шагах от них! По счастью, неизвестные были слишком озабочены собственными проблемами: их не заметили. Шум постепенно удалялся. Эллори осторожно приподнялась и, махнув Алисе рукой, двинулась вперёд. Пройдя несколько шагов, она остановилась и указала на примятые листья.

– Кровь. Один из них ранен.

– Что они говорили?

– Ничего осмысленного. Ругались. Очень сквернными словами.

– Жаль, не запомнила… Ну что, идем за ними?

– Всё-таки стоило тебя слегка придушить… – вздохнула Эллори. – Ладно, похоже – им сейчас не до нас. Держись за мной, в трех шагах позади. Не вздумай шуметь.

Крадучись, они пробирались по вытоптанной незнакомцами тропинке. Внезапно телохранительница замерла. Сквозь густую листву чуть слышно доносились голоса, потом раздался негромкий всплеск. Эллори выждала с минуту и облегченно выпрямилась.

– Всё. Уплыли.

– О чем они говорили? – тут же поинтересовалась Алиса.

– Что-то странное. Их было трое – и похоже, всех троих здорово отделали…

– Ай да Монтескрипт! – хихикнула Алиса.

– Сомневаюсь, что он справился в одиночку. Один жаловался на сломанную руку, другой поминал свои отбитые потроха – и что-то про парня, которому всё это очень не понравится. А третий и вовсе нес околесицу.

– То есть?

– В прямом смысле. Я даже не уверена, на каком языке он изъяснялся.

– Интересно… – тут Алисе пришла в голову одна мысль. – Слушай, как думаешь – эти калеки сейчас поплывут в город? Мы сможем их обогнать?

– Если постараемся… Но зачем?

– Хочу проследить за ними. Тогда у нас будет, что обменять на рассказ нашего детектива об этом сражении.

– О, князья преисподней! – тяжело вздохнула Скрывающая Облик.

– Ну так что, поплыли?

***

– Мы совершили взлет в восемь часов утра, покинув территорию генераторной станции. Помимо пассажиров, на борту был груз, всё в полном соответствии с заявленным в декларации. С тех пор «Эксцельсиор» не совершал посадки, вплоть до прибытия в Амфитриту… И – нет, никого похожего на негодяя, покусившегося на Его Высочество, на борту не видели, – помощник капитана держался вежливо, хотя подобные вопросы ему наверняка задавали не в первый и даже не в десятый раз.

– Желаете посмотреть списки пассажиров? Команды? Грузовую декларацию? – усталым голосом пробубнил он.

– Пожалуй, последнее. И вахтенный журнал…

– Извольте.

Я принялся за бумаги. Мой собеседник тяжело вздохнул. Его можно было понять: отвечать на вопросы полиции – то ещё удовольствие, а если вдобавок учесть въедливость шайки дознавателей во главе с Элисенварги, готовых землю носом рыть ради результата… Удивительно, как он вообще согласился разговаривать со мной. Спасибо Грею – всё же протекция посольства вещь серьёзная.

Выяснить пока что удалось немногое. «Эксцельсиор» проходил техническое обслуживание на базе Королевского Военно-Воздушного флота: ведь, по сути, это был старый боевой корабль, переоборудованный для перевозки пассажиров и грузов. Генераторная станция, единственная в этой части света, располагалась на достаточном расстоянии от Амфитриты – одно из условий, выдвинутых Метрополии ещё прежним правительством. Регент не желал облегчать чужакам доступ в столицу. С воцарением на престоле Джаги I стали ходить разговоры о строительстве ещё одной станции, в пригороде Амфитриты – но, насколько я знал, всё упиралось в финансы. Генераторы ван Верде – штука не из дешевых, не говоря уж об инфраструктуре... Соответственно, регулярное воздушное сообщение было необходимо – а «Эксцельсиор» являлся самым быстрым и комфортабельным из гражданских воздушных судов. После проверки всех систем он прибывал прямо на станцию; если отбросить маловероятный вариант проникновения посторонних на военно-воздушную базу, единственная возможность попасть на борт существовала там. Что же касается кронпринца – решение путешествовать именно таким способом не вызывало удивления. Ему куда быстрее было добраться из своего захолустья до генераторной станции, чем тратить время на долгое плаванье по рекам и озерам Пацифиды.

Список пассажиров я глянул мельком, для проформы; зато внимательнейшим образом просмотрел грузовую декларацию. Львиную долю грузов составляли фильмы – похоже, Его Величество снова потратил на заказ старинных черно-белых лент кругленькую сумму. Впрочем, я знал, что эти вложения окупятся ближайшее время: сеть кинотеатров, принадлежавших нашему прогрессивному монарху, приносила отличный доход. Эббот и Костелло, Хамфри Боггарт, Ингрид Бергман, Хичкок – эти имена в Амфитрите были едва ли не популярнее наших

местных артистов и оперных див. Единственная местная киностудия «Амфитрита филм» пыталась дать достойный ответ шедеврам старого мира – но, увы, пока безуспешно.

– Каким образом были упакованы катушки киноленты? – я постучал ногтем по бумаге.

– В специальные жестяные банки с увлажнителем, а те – в коробки для переноски, по пять штук в каждой, – помощник капитана утомленно прикрыл глаза. – Послушайте, господин Монтескрипт…

– Зовите меня Эдуар.

– Послушайте, Эдуар, все эти вопросы мне задавали не один раз. Среди наших грузов не было ничего достаточно объемного, чтобы там мог спрятаться фрог... Или человек. К тому же, негодяю пришлось бы несколько часов пребывать в неподвижности – как вы себе это представляете?

Я задумчиво кивнул и потянулся за вахтенным журналом. Там меня ждало нечто любопытное.

– Вы говорили, «Эксцельсиор» не совершал посадки вплоть до прибытия в столицу. А как же вот это? – я процитировал: – «9.30. Остановка над Стигией. Получен груз почты». Каким образом он был доставлен?

– Всё очень просто, мы снижаемся и спускаем вниз крюк на тросе. К нему цепляют запечатанные мешки. Стигия – город промышленный, точнее даже не город, а большая сталелитейная фабрика с соответствующей инфраструктурой…

– Каторжные рудники, – уточнил я.

– Именно. Нет никакой необходимости делать посадку.

– Размер мешков?

– В зависимости от количества корреспонденции…

– Там может уместиться взрослый фрог?

– Нет… Ну, разве что усевшись на корточки и спрятав голову меж коленей! По-вашему, долго можно пробыть в такой позе? К тому же Стигия – это режимный объект…

– Я хотел бы поговорить с матросами, принимавшими груз, – прервал я его.

– Князья преисподней, о чем вы? Трос просто втягивают внутрь трюма лебедкой, люк закрывается автоматически…

– Значит, чисто теоретически можно предположить, что вместе с почтой внутрь корабля проник посторонний?

– Ну разумеется, нет, – он страдальчески скривился. – Даже если допустить, что некто залез на охраняемую территорию фабрики – мы же контролируем весь процесс визуально! Наблюдатель заметил бы…

– Понятно.

Дальнейшие расспросы, равно как и блуждания по узким коридорам «Эксцельсиора» ничего не дали. Наконец, я распрощался с помощником капитана и покинул ангар.

Следующим пунктом на сегодня значилось посещение дома Ипселла – бесследно сгинувшего мастера-протезиста; но я решил сделать небольшой перерыв и пообедать: сегодняшний день оказался щедрым на приключения, что положительным образом сказалось на моем аппетите. На этот раз я не стал долго мудрствовать и завернул в ближайшую харчевню. Заказав их фирменное блюдо – рагу с тушеными моллюсками и кружку холодного пива, я откинулся на спинку стула и погрузился в раздумья. У меня не шли из головы слова Алисы Грей. Итак, оставим пока в стороне мотивы случившегося и попытаемся понять техническую сторону вопроса. Покушавшийся на принца – зомби? Вроде бы всё, что я до сих пор знал о живых мертвецах, противоречило такому умозаключению. Всё, кроме одного.

Эти ребята способны сохранять каменную неподвижность в течение неопределенного времени. У них не затекают конечности от неудобной позы, им не может срочно захотеться по нужде, им не требуются вода и пища. И, чисто теоретически – мертвец может-таки уместиться

в мешке с корреспонденцией… Как там говорил помощник капитана – сидя на корточках и пригнув голову? Почему бы и нет? Процесс доставки почты на корабль автоматизирован, значит – никто не удивится ни весу мешка, ни его форме... Черт, да никто даже не удосужится пересчитать, сколько их всего! Похоже, я снова оказался на один шаг впереди нашей доблестной полиции – пустячок, а приятно…

Допустим, я прав, и всё было именно так. Следующий шаг – мотивы. Кому выгодно превратить члена королевской фамилии, формально – второе по знатности лицо государства, в слюнявый и гадящий под себя овощ? Кто обладает достаточными ресурсами, чтобы подготовить эту операцию, выманить кронпринца из его глухомани, отправить зомби-убийцу с территории фабрики-тюрьмы? Чем дольше я размышлял об этом, тем меньше мне нравился возможный ответ.

Тогда всё началось с католиков. С миссионеров. Ни для кого не секрет, что Римская Католическая Церковь всегда считала себя паладином, чей долг – нести Слово Божье по всему спектру миров. Ватикан – одна из структур, активно поддерживающая исследования в этой области. Недаром над воротами Женевской генераторной станции, крупнейшей в Европе, красуется цитата из св. Иоанна: «В доме Отца Моего обителей много». Как только стало ясно, что генераторы ван Верде представляют собой нечто большее, чем очередная военная разработка…

Появление католичества здесь, в мире фрогов, сопровождалось весьма бурными событиями. Поначалу казалось, что христиане станут ещё одной экзотической сектой – но вскоре интерес к новой религии вырос настолько, что это в немалой степени озаботило власть имущих. Миссии возникали, словно грибы после дождя – а святые отцы обрели немалый вес в обществе. Дошло до того, что регент специальным указом запретил новую веру – в державе, где религиозных культов испокон веков тьма-тьмущая, дело почти неслыханное.

Запреты не помогли, не помогли и преследования. По слухам, разгневанный правитель собирался ввести смертную казнь за исповедание христианства, но тут вмешался наш нынешний монарх, тогда – всего лишь принц Джага. Выпускник Кембриджа, только что вернувшийся из Метрополии, молодой и амбициозный фрог-аристократ стал негласно, но весьма эффективно поддерживать новую веру – и даже добился некоторых послаблений у своего сурового дядюшки. Святые отцы возликовали – как показали дальнейшие события, совершенно напрасно. В бытность свою студентом Джага очень внимательно изучал историю нашего мира. Он прекрасно понимал, что веру нельзя убить. Покуда в самой захолустной из провинций, среди лесов и болот, есть хотя бы один истинно верующий – католицизм жив. Изгнать из государства святых отцов, позакрывать благотворительные больницы и ночлежки, отрубить головы наиболее рьяным последователям – всё это лишь укрепит позиции Ватикана и создаст новые легионы мучеников, радостно идущих на страдания и смерть ради идеи. У святой церкви накоплен богатый опыт такого рода борьбы…

Вскоре среди рукоположенных фрогов возникли новые веяния. Догматы католичества стали подвергаться ревизии – сперва осторожно, потом всё более и более открыто. Богословские диспуты захлестнули не только столицу, но и самые отдаленные приходы. Вера начала принимать весьма причудливое обличье. Выяснилось, что многие священники из местных были по совместительству весьма неплохими колдунами, причем не гнушавшимися использовать секреты своей профессии ради влияния на паству.

Первыми забили тревогу иезуиты – но было уже поздно. Произошел раскол. В Амфитрите влияние ортодоксов преобладало; однако за её пределами вовсю хозяйничали еретики-ревизионисты. Примерно в это время официальные власти сменили гнев на милость – запреты были отменены, а кронпринц лично заложил краеугольный камень в фундамент собора святого Игнатия Лойолы (к слову, не достроенного и поныне). Несколько видных ари-

стократов публично приняли крещение – благо, с тем, чтобы окунуться в воду, ни у кого из фрогов проблем никогда не возникало... Напряженность росла. Где-то среди болот появился некий самозванец, объявивший себя Мессией. В отчаянии святые отцы созвали экстренный собор – и общим решением отлучили еретиков от лона Церкви. Это не помогло. «Как можно отлучить кого-то? – смеялись ревизионисты. – Благодать Божья – она как вода: как можно лишить нас воды?» В этом мире, сроду не знавшем засухи, такой аргумент срабатывал безотказно.

Чья это была идея – осуществить религиозное шествие в столицу, по пути благословляя реки, каналы, озера и источники, сейчас уже неважно. Важно то, что шествие вполне предсказуемо переросло в религиозные и этнические беспорядки, получившие впоследствии название «Трех Дней». Казалось, мирных и созерцательных фрогов охватило вдруг всеобщее безумие. Из городской тюрьмы совершили массовый побег заключенные. Подверглись разграблению дома и лавки. Под шумок сводились старые счеты – вендетта вообще была традиционным развлечением фрогской аристократии, и лишь суровые законы регента сдерживали безудержное «эго» спесивых древних фамилий. Под раздачу попали и иммигранты: соблазн безнаказанно пограбить чужаков, наверное, сидит в крови любого народа… Приказом регента в столицу ввели войска – но было поздно: той же ночью верный Джаге отряд боевых пловцов проник по водоводам на территорию дворца. Регент и его ближайшее окружение были арестованы и брошены в темницу, а несколько позже казнены, как это у нас принято, на базарной площади, при большом стечении народа. Принц Джага спешно короновался – и войскам не осталось ничего другого, кроме как присягнуть на верность Его Величеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.